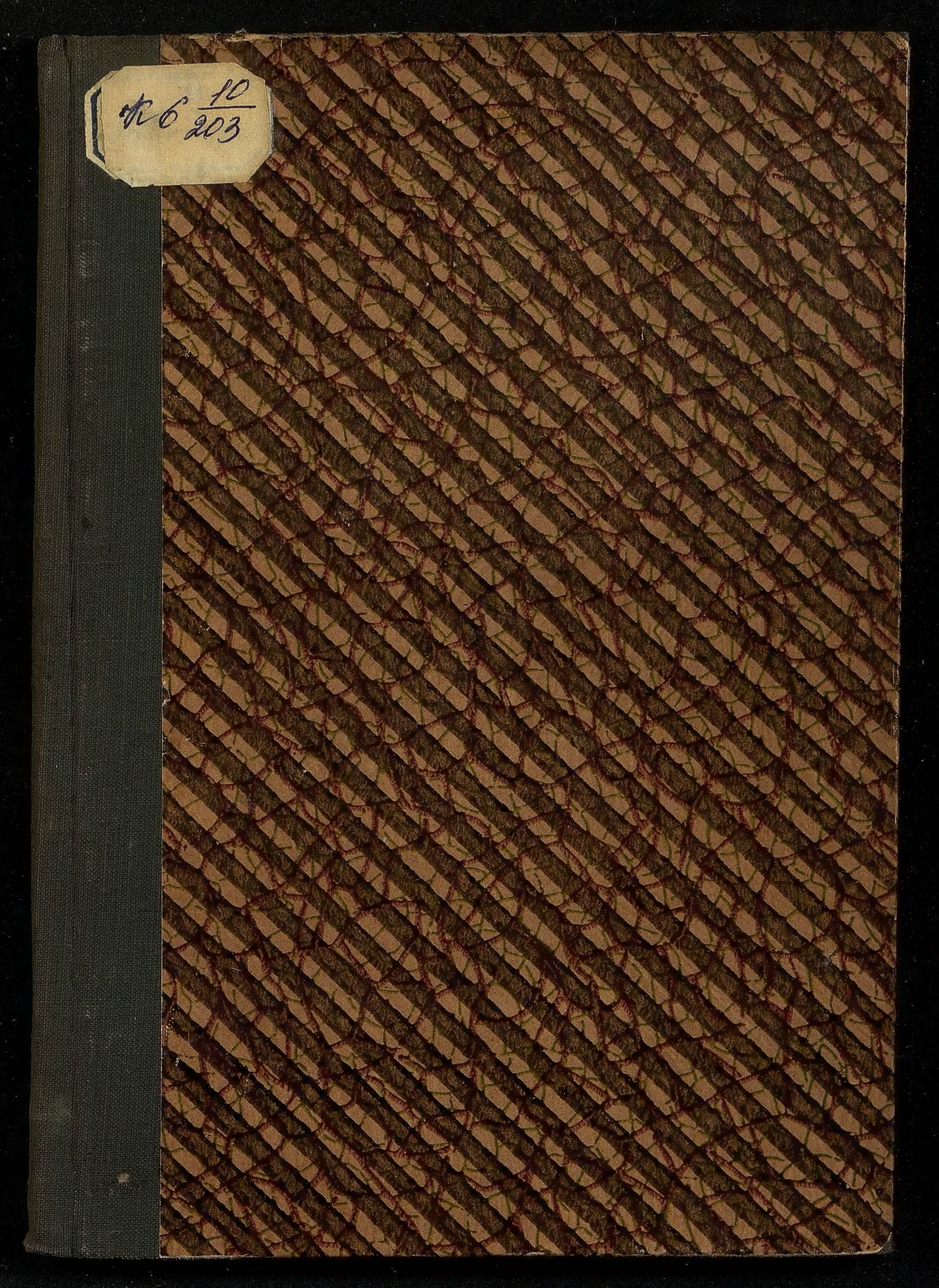

К6 10/203

M.

Лѣтопись Востока.

СОДЕРЖАНIЕ.

I. Споръ о посылкѣ въ Европу японскихъ войскъ. — II. Юаньшикай и Японо-Китайскiя отношенiя. — III. Кризисъ второго кабинета графа Окума. — IV. Къ вопросу о русско-японскомъ союзѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографiя Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1915.

М.

ЛѢТОПИСЬ ВОСТОКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Споръ о посылкѣ въ Европу японскихъ войскъ. — II. Юаньшикай и Японо-Китайскія отношенія. — III. Кризисъ второго кабинета графа Окума. — IV. Къ вопросу о русско-японскомъ союзѣ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1915.

Печатано по распоряженію Морского Генеральнаго Штаба.

ЛѢТОПИСЬ ВОСТОКА.

I.

Споръ о посылкѣ въ Европу японскихъ войскъ.

Великая европейская война обѣщаетъ создать новую эру и въ жизни Дальняго Востока. Съ окончаніемъ войны мы должны ожидать новой перегруппировки отношеній на Дальнемъ Востокѣ и нужно надѣяться, что предстоящія здѣсь перемѣны будутъ на пользу Россіи.

Особенно сильно должно отразиться вліяніе европейской войны на международное положеніе Японіи, а въ связи съ этимъ и на всю совокупность условій японской жизни. Сейчасъ было бы даже трудно учесть все многообразіе перемѣнъ, которыя сулитъ Японіи разыгравшаяся въ Европѣ буря. Не забѣгая впередъ, сегодня мы отмѣтимъ только знаменательную перемѣну, происшедшую въ международномъ положеніи Японіи.

Вспомнимъ, что совсѣмъ еще недавно какъ общественное мнѣніе, такъ и правительство Японіи были крайне озабочены изолированностью международнаго положенія Японіи, становившейся все болѣе и болѣе выпуклой (*). Не далѣе, какъ осенью 1913 года мы слышали жалобы японскихъ публицистовъ на то, что японскіе государственные дѣятели не сумѣли обезпечить свою родину симпатіями ни одной изъ сосѣднихъ странъ. Въ Германіи, Франціи, Россіи, С. Штатахъ, Канадѣ, Австраліи, Китаѣ и даже въ своемъ союзникѣ Англіи японцы были готовы видѣть если еще не укоренившуюся, то во всякомъ случаѣ назрѣвающую враждебность.

(*) Подробнѣе объ этомъ см. «Морск. Сборн.» за 1913 г. октябрь «Японскія письма». XV.—Одинокая Японія. М.

Съ тѣхъ поръ не прошло и двухъ лѣтъ, и все уже измѣнилось кореннымъ образомъ. Теперь ни одному японцу не придетъ въ голову жаловаться на изолированность международнаго положенія Японіи. Друзей теперь у Японіи хоть отбавляй... За исключеніемъ развѣ нѣмцевъ, весь міръ называетъ нынѣ японцевъ не иначе, какъ «наши друзья японцы». Поэтому скептики изъ японцевъ сейчасъ скорѣе озабочены тѣмъ, что у Японіи вдругъ появилось, какъ будто, слишкомъ уже много друзей.

Въ самомъ дѣлѣ, всякая дружба можетъ потребовать жертвъ, и будетъ ли подъ силу и въ интересахъ Японіи угождать всѣмъ своимъ старымъ и новымъ друзьямъ?

Основательность сомнѣній скептиковъ не замедлила получить свое подтвержденіе въ видѣ выступленія въ печати г. Пишона, бывшаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, съ предложеніемъ доставить японскія войска на европейскій театръ военныхъ дѣйствій, дабы ускорить успѣхи союзниковъ. Несмотря на то, что часть печати въ Японіи сначала не хотѣла вѣрить, чтобы столь испытанный государственный мужъ, какъ г. Пишонъ, могъ выступить со столь абсурднымъ предложеніемъ, послѣдующія извѣстія подтвердили первоначальное сообщеніе, и вопросъ о посылкѣ японскихъ войскъ въ Европу уже болѣе не сходитъ со столбцовъ японской печати.

Конечно, мнѣнія раздѣлились, и возникла цѣлая литература, посвященная этому вопросу. Правда, вопросъ этотъ до сихъ поръ еще не выходилъ изъ предѣловъ академическаго обмѣна мнѣній, но аргументы за и противъ выставлены уже съ достаточной опредѣленностью и полнотой, почему и представляютъ для насъ значительный интересъ независимо отъ того, какая судьба ожидаетъ этотъ вопросъ въ будущемъ.

Во главѣ рѣшительныхъ противниковъ идеи г. Пишона стоитъ извѣстный японскій публицистъ г. Укита, посвятившій пространную статью этому вопросу въ журналѣ Тайо (*).

(*) Taiyo. XII. 1914.

Прежде всего г. Укита указываетъ, что въ Японіи до сихъ поръ не было и нѣтъ государственныхъ дѣятелей—дипломатовъ по призванію. Да и вообще, въ Японіи, по его мнѣнію, нѣтъ политическихъ дѣятелей, заслуживающихъ всесвѣтной славы. Дѣятели же реставраціи, старцы—представители клановой политики уже вовсе не могутъ идти въ счетъ современныхъ политическихъ дѣятелей т. к. они совершенно незнакомы съ международной политикой и потому не въ состояніи правильно судить о международномъ положеніи Японіи. Покойные князья Ито и Катсура несомнѣнно были великими государственными дѣятелями, но при теперешней спеціализаціи и раздѣленіи труда, ихъ слѣдуетъ считать политиками стараго склада. Одновременно имъ приходилось быть и внутренними преобразователями страны, и законодателями, и администраторами и, наконецъ, дипломатами.

Собственно говоря, въ Японіи въ настоящее время существуетъ только двѣ категоріи политическихъ дѣятелей, болѣе или менѣе отвѣчающихъ условіямъ современности. Къ первой слѣдуетъ отнести партійныхъ политиковъ, которые, подобно маркизу Сайондзи, умѣютъ объединить вокругъ себя достаточное число послѣдователей, чтобы образовать большинство въ Парламентѣ. Ко второй категоріи слѣдуетъ отнести политиковъ-бюрократовъ, которые дѣлаютъ политику свою, опираясь на вліяніе старѣйшинъ (гэнро). Однако, между этими двумя категоріями политиковъ—бюрократовъ и партійныхъ—въ настоящее время бываетъ часто трудно, а то и вовсе невозможно, провести какую либо грань, настолько тѣсно эти двѣ категоріи сливаются между собой.

Но какъ бюрократы, такъ и партійные лидеры непригодны, по мнѣнію г. Укита, для руководства внѣшней политикой. Первые—потому, что не имѣютъ ничего общаго съ общественнымъ мнѣніемъ страны, вторые—потому, что, являясь представителями какой-нибудь одной партіи, не пользуются довѣріемъ всей страны и оказываются неспособными дѣйствовать рѣшительно въ критическія минуты.

Отмѣтивъ отсутствіе компетентности въ международныхъ вопросахъ у японскихъ политиковъ, г. Укита вкратцѣ форму-

лируетъ основныя требованія, которымъ должна отвѣчать внѣшняя политика, и уже съ точки зрѣнія этихъ требованій опредѣляетъ свое отношеніе къ вопросу о посылкѣ въ Европу японскихъ войскъ.

Политика государства должна не только преслѣдовать цѣли, отвѣчающія данному времени, но также должна быть осмыслена цѣлями идеальными. Здѣсь нѣтъ мѣста пустымъ и вздорнымъ соображеніямъ, политика должна преслѣдовать только достижимыя цѣли, исходя изъ правильнаго пониманія современной дѣйствительности. Но дѣйствительность претерпѣваетъ постоянныя измѣненія, и въ этихъ смѣнахъ прогресса и регресса стремленіе къ совершенствованію и лучшему будущему должно быть идеальной путеводной звѣздой народа.

Въ прошломъ японская внѣшняя политика въ общемъ была успѣшна. Этимъ Японія обязана не столько своимъ дипломатамъ (среди которыхъ не было ни одного выдающагося), сколько своей готовности прибѣгнуть къ оружію всякій разъ, какъ это было необходимо для ея самозащиты.

И въ этотъ разъ Японія выступила противъ Германіи ради того же принципа самозащиты. Японія боролась съ Германіей ради своей собственной безопасности, ради своего самосохраненія и лучшаго будущаго. Но въ то же время она покончила съ германской опасностью для мира на Дальнемъ Востокѣ и такимъ образомъ выполнила свои союзническія обязательства по отношенію къ Англіи.

Таковы идеальная и реальная цѣли войны Японіи съ Германіей.

Но, покончивъ съ германскимъ вліяніемъ на Дальнемъ Востокѣ, Японіи было бы безсмысленно посылать свои войска въ Европу для оказанія помощи Англіи, Франціи и Россіи. Это не отвѣчало бы ни существу англо-японскаго союза, ни идеалу дальне-восточнаго мира. Для самозащиты Японіи достаточно паденія Кіао-чао. Для чего же нужно посылать японскія войска въ Европу? Сломить германцевъ въ Европѣ— это уже дѣло Англіи, Франціи и Россіи. Если же силъ этихъ трехъ державъ недостаточно, чтобы вторгнуться въ предѣлы Германіи и заставить Берлинъ смириться, то лучше по-

скорѣе заключить миръ съ Германіей. Это будетъ къ выгодѣ всѣхъ.

Если Англія, Франція и Россія втроемъ не смогутъ разбить германскія арміи, врядъ ли можетъ принести какую-нибудь пользу и посылка японскихъ войскъ въ Европу. Вѣдь, объявляя войну Германіи, Японія отнюдь не руководилась чувствомъ мести къ Германіи за ея участіе во вмѣшательствѣ трехъ державъ въ 1895 г., коимъ были отняты у Японіи плоды ея побѣдъ надъ китайцами. Японія не должна руководиться въ своей политикѣ чувствомъ мести, т. к. такая политика рискуетъ привести къ слишкомъ опаснымъ и гибельнымъ послѣдствіямъ. Нельзя также считать причиной японо-германской войны и желаніе прославить на весь міръ японское оружіе. Вѣдь, въ такомъ случаѣ и посылка японскихъ войскъ въ Европу была бы только пустымъ тщеславіемъ. Но политика тщеславія еще гибельнѣе политики мести.

Нѣкоторыя лица говорятъ, что въ случаѣ если Японія не пошлетъ своихъ войскъ въ Европу, а Германія одолѣетъ противниковъ, этимъ самымъ Японія подвергнется серьезной опасности. Японія уже не сможетъ опереться на сочувствіе державъ тройственнаго согласія и должна будетъ отказаться отъ Кіао-чао подъ давленіемъ могущественной Германіи. Опасенія эти безпочвенны. Германія будетъ слишкомъ ослаблена войной на западѣ и волей-неволей должна будетъ отнестись съ безразличіемъ къ судьбѣ Кіао-чао. Допустимъ даже, что Германія пошлетъ свои арміи и флотъ противъ Японіи. Развѣ тогда не встанетъ по примѣру прежнихъ лѣтъ вооруженная Японія всенародно?! Японцы не имѣютъ никакого основанія связывать судьбу Кіао-чао съ исходомъ кампаніи на поляхъ Европы.

Есть и такіе, которые думаютъ, что, въ случаѣ посылки японскихъ войскъ въ Европу и окончательнаго успѣха со стороны союзниковъ, этимъ будетъ обезпечена симпатія къ Японіи со стороны Австраліи и Канады. И что, наконецъ, и С. Штаты будутъ склонны дать удовлетворительное рѣшеніе въ вопросѣ о правѣ японцевъ иммигрировать въ предѣлы Штатовъ.

Но мы сомнѣваемся, чтобы такія предположенія имѣли подъ собой хотя бы какое-нибудь основаніе. Если Японія должна съ кого-нибудь получить компенсацію за дѣйствія противъ Германіи, то только съ Германіи, но отнюдь не съ другихъ странъ. Ожидать же компенсацій отъ союзной Англіи или нейтральной Америки—было бы грубѣйшей ошибкой. Допустимъ даже, что Англія солидарна съ Японіей относительно вопроса иммиграціи японцевъ въ Америку, но даже и въ такомъ случаѣ содѣйствіе Англіи не пойдетъ дальше словесныхъ нотъ, т. к. иммиграціонный вопросъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ настоящей войнѣ.

Наконецъ, Японіи выгоднѣе отказаться посылать свои войска въ Европу, даже въ томъ случаѣ, если бы Англія и Франція потребовали отъ нея этого. Японія не пылаетъ къ Германіи непримиримой ненавистью и жаждой мести. Японія стремилась только устранить опасность отъ существованія на Дальнемъ Востокѣ германской военной гавани. Нынѣ этой опасности уже не существуетъ и у Японіи нѣтъ никакой необходимости готовиться къ новымъ выступленіямъ противъ Германіи. Если милліонныя арміи Англіи, Франціи и Россіи не могутъ справиться съ Германіей соединенными усиліями, то что могутъ сдѣлать какія-нибудь 100—200 тысячъ японскихъ солдатъ? Японцы отъ природы не войнолюбивы, хотя они и вѣрятъ въ справедливость и храбро сражаются за нее. Съ другой же стороны представляется сомнительнымъ, чтобы японскіе солдаты въ качествѣ наемниковъ смогли участвовать въ бояхъ съ такимъ же рвеніемъ, какъ европейцы, сражающіеся за существованіе и будущее своей родины. Слишкомъ было бы очевидно для каждаго японца, что война въ Европѣ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ судьбѣ Японіи!

Тѣмъ, что Японія приняла участіе въ войнѣ здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ, она уже оказала неисчислимыя услуги тройственному соглашенію. И для Германіи участіе Японіи въ этой войнѣ уже послужило страшнымъ ударомъ. Но что бы было, если бы Японія вспомнила свои былыя распри съ Россіей и разорвала свой союзъ съ Англіей? Если бы японскія войска вторглись въ предѣлы русской Сибири, а японскій

флотъ напалъ на Австралію и Канаду? Развѣ можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что тройственное согласіе не смогло бы тогда удержать нынѣ занимаемыя имъ въ Европѣ позиціи? Поэтому поведеніе Японіи уже и сейчасъ имѣетъ въ извѣстномъ смыслѣ рѣшающее на весь ходъ кампаніи вліяніе.

Такимъ образомъ, если съ одной стороны Японія не имѣетъ никакого основанія посылать свои войска въ Европу, то съ другой стороны державы тройственнаго согласія могутъ быть вполнѣ удовлетворены той весьма существенной помощью, которую имъ уже оказала Японія, принявъ на себя искорененіе германскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ.

За отправку японскихъ войскъ въ Европу выступила часть японской печати во главѣ съ журналомъ «Дипломатическое Обозрѣніе» (Гайко Дзихо), въ которомъ появилось по этому поводу двѣ статьи. Одна изъ нихъ принадлежитъ перу извѣстнаго въ Японіи знатока международнаго права доктора Арига (*), другая профессору Наникава (**). Оба они подробно останавливаются на аргументаціи противниковъ идеи участія японскихъ войскъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на материкѣ Европы, но въ то же время у обоихъ проскальзываетъ сознаніе, что они защищаютъ мнѣніе меньшинства.

Оба профессора прежде всего задаются вопросомъ: можетъ ли государство, не преступивъ своихъ полномочій передъ народомъ, послать армію и флотъ для участія въ войнѣ иностранныхъ державъ, не имѣющей прямого отношенія къ интересамъ Японіи?

Первымъ доводомъ большинства возстающихъ противъ посылки японскихъ войскъ является обыкновенно указаніе на то, что система принятой въ Японіи всеобщей воинской повинности предназначаетъ солдатъ исключительно для обороны своей родины, почему японское правительство и не имѣетъ-де права отправлять свои войска заграницу для участія въ далекой отъ Японіи европейской войнѣ. Какъ профессоръ Арига, такъ и докторъ Наникава возражаютъ противъ такого утвер-

(*) Gaiko Jiho. 15. XI. 1914.
(**) Gaiko Jiho. 15. XII. 1914.

жденія. По ихъ мнѣнію, если японскія войска нельзя посылать въ отдаленную Европу, то почему эти же самыя войска можно посылать, напримѣръ, въ Индію. Дѣло въ томъ, что согласно англо-японскому союзному договору, Японія обязывалась послать въ Индію свои войска, если Индіи будетъ угрожать нападеніе третьей державы. При этомъ обязательство это лежитъ на Японіи даже и въ томъ случаѣ, если нападеніе на Индію не будетъ прямо или косвенно затрагивать интересы самой Японіи. Затѣмъ, какимъ образомъ оказывается возможнымъ отправлять японскія войска въ Китай и на острова Южнаго океана? И Индія, и Китай, и острова Южнаго океана лежатъ вѣдь внѣ японской территоріи—заграницей. Правда, на это можно возразить, что Индія, Китай и острова лежатъ къ Японіи сравнительно ближе, чѣмъ Европа. Однако профессоръ Наникава считаетъ этотъ аргументъ несостоятельнымъ. Разница въ разстояніи, по его мнѣнію, не можетъ служить уважительной причиной для отказа отъ посылки войскъ въ Европу. Наникава приводитъ въ примѣръ Францію и Германію, въ которыхъ также принята система всеобщей воинской повинности, что не помѣшало обѣимъ этимъ странамъ посылать свои войска не только въ Африку и Мексику, но и въ далекій отъ нихъ Китай. Причина, почему это оказалось возможнымъ, кроется въ томъ, что въ глазахъ европейцевъ самые отдаленные уголки земного шара представляются прекрасными объектами для осуществленія ихъ міровой политики. Другими словами, размѣры земного шара въ глазахъ европейца представляются значительно болѣе ограниченными, нежели въ глазахъ японца, до сихъ поръ еще не освободившагося отъ психологіи жителя маленькой, закрытой для внѣшнихъ сношеній страны. И тутъ же г. Наникава сокрушается по поводу того, что въ Японіи слишкомъ мало лицъ, способныхъ подняться до уровня западнаго пониманія.

Но здѣсь же возникаетъ и другой вопросъ. Дѣйствительно ли европейская война является войной только между европейскими державами и нисколько не затрагиваетъ интересовъ Японіи? Если бы это было дѣйствительно такъ, то японскому

правительству, конечно, не слѣдовало бы ввязываться въ чужую ссору, и ради выгодъ другихъ жертвовать дорогими жизнями японскихъ воиновъ. Но вѣдь, Японія, напавъ на принадлежавшій Германіи Кіаочао, фактически приняла участіе въ этой войнѣ. Занятіе Японіей Кіаочао, Маршальскихъ, Маріанскихъ и Каролинскихъ острововъ неизбѣжно ставило Японію въ ряды враговъ Германіи и Австро-Венгріи, т. е. рядомъ съ Англіей, Франціей и Россіей. Наконецъ война съ Германіей вытекала изъ существа англо-японскаго союзнаго договора, и сегодня, послѣ паденія германскихъ владѣній на Дальнемъ Востокѣ, война съ Германіей и Австро-Венгріей фактически еще не кончилась и еще продолжается Японіей.

Такимъ образомъ неопровержимо устанавливается, что Германія и Австро-Венгрія — враги Японіи, и что обѣ эти державы иначе и смотрѣть на Японію, какъ на врага, не могутъ. А разъ это такъ, то для Японіи не можетъ быть безразлично, побѣдятъ эти двѣ державы или нѣтъ въ Европѣ. Одинъ англійскій публицистъ совершенно основательно указывалъ, что въ случаѣ побѣды Германіи въ Европѣ, и побѣда Японіи въ Кіаочао также перестанетъ быть побѣдой. И наоборотъ, если Германія будетъ побѣждена въ Европѣ, и японскія войска приняли бы въ этомъ участіе, то этого одного уже было бы достаточно для того, чтобы вопросъ о Кіаочао и другихъ германскихъ владѣніяхъ на Дальнемъ Востокѣ былъ рѣшенъ въ желательномъ для Японіи смыслѣ, даже если бы Японія и не предпринимала никакихъ военныхъ дѣйствій здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ. Другими словами судьбу Кіаочао нѣтъ необходимости обязательно рѣшать въ Кіаочао. Она можетъ быть рѣшена и въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ въ Европѣ, при условіи рѣшительнаго разгрома Германіи.

Итакъ, посылка японскихъ войскъ въ Европу отнюдь не можетъ быть названа вмѣшательствомъ въ постороннюю драку. Германія и Австро-Венгрія, какъ мы только-что видѣли, являются несомнѣнными врагами Японіи, а разъ это такъ, то нельзя высказываться противъ посылки войскъ въ Европу, исходя только изъ соображеній о дальности разстоянія.

Слѣдующимъ по важности является вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ Японіи принять участіе въ войнѣ съ Германіей. Такъ какъ степень участія въ этой войнѣ должна зависѣть отъ степени заинтересованности Японіи, прежде всего необходимо выяснить послѣднюю. Возьмемъ, напримѣръ, Польшу. Здѣсь ходъ военныхъ событій имѣетъ первостепенное значеніе для самаго исхода войны, тѣмъ не менѣе, этотъ театръ военныхъ дѣйствій не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ интересамъ и безопасности Японіи. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ Суэцкимъ каналомъ. Если послѣдній подвергнется нападенію со стороны Турціи или Германіи, то это грозитъ внести полное разстройство въ дальневосточную торговлю и сообщенія. А это уже близко касается японскихъ интересовъ и даже самой безопасности Японіи. Но Англія, мобилизовавшая на материкѣ значительныя силы, можетъ считать, что имѣющихся у нея для защиты Суэца силъ недостаточно. Въ такомъ случаѣ Японія должна принять на себя охрану Суэцкаго канала, вмѣсто Англіи. Въ согласіи съ рамками англо-японскаго союзнаго договора, Японія могла бы предпринять и въ высшей степени цѣлесообразныя мѣры по отправкѣ японскихъ войскъ для охраны Индіи.

Большое значеніе имѣетъ также вопросъ, какія войска посылать въ Европу. Нѣкоторыя лица стоятъ за то, чтобы сформировать для этой цѣли спеціально навербованныя добровольческія дружины, слѣдуя въ данномъ случаѣ примѣру Англіи. Правда, согласно дѣйствующей въ Англіи системѣ комплектованія арміи, послѣдняя имѣетъ цѣлью оборону только Соединеннаго Королевства и Индіи. Для каждой же заграничной экспедиціи поэтому требуется сформированіе спеціальныхъ добровольческихъ войсковыхъ частей. Но въ Японіи система комплектованія войскъ кореннымъ образомъ отличается отъ англійской, почему Японіи совершенно нѣтъ никакой необходимости подражать англійскому примѣру. Фактически, японскіе армія и флотъ съ самаго начала были созданы съ тѣмъ, чтобы примѣняться заграницей. Таковы были японо-китайская война, боксерское возстаніе, русско-японская война и, наконецъ, только-что закончившіяся операціи противъ гер-

манцевъ на Дальнемъ Востокѣ. Всѣ эти военныя дѣйствія были заграничными экспедиціями, поэтому нѣтъ надобности ограничивать посылаемыя заграницу войска добровольческими кадрами.

Конечно, большая разница, посылать ли войска на сравнительно близкій китайскій материкъ, или въ далекую Европу. Здѣсь играетъ роль не только разстояніе, но и огромная разница культурныхъ условій. Языкъ, письменность и всѣ условія культурной жизни Европы гораздо болѣе чужды японцу, нежели таковые же въ Китаѣ. И вотъ именно это обстоятельство и послужило бы серьезнымъ препятствіемъ для успѣшнаго набора добровольческихъ кадровъ, и добровольцевъ въ концѣ концовъ оказалось бы совсѣмъ не такъ уже много. Другой причиной неудобства отправки въ Европу добровольческихъ частей является то, что кадры отправляемыхъ войскъ должны быть тщательно подобраны. Для успѣшности дѣйствій японскихъ войскъ въ чуждой имъ обстановкѣ необходимо посылать лучшія силы страны. Добровольческіе же кадры совершенно устраняютъ всякую возможность столь важнаго цѣлесообразнаго и осмысленнаго выбора состава какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ.

По мнѣнію профессора Арига, отправляемыя въ Европу японскія войска должны сохранить извѣстную самостоятельность своихъ дѣйствій и стоять, такъ сказать, наравнѣ съ арміями Англіи, Россіи и Франціи. Само собою разумѣется, что для этого количество посылаемыхъ войскъ должно быть достаточно большимъ. Колоссальные размѣры, въ которыхъ вылились военныя операціи на Западѣ, показываютъ, что для участія Японіи въ операціяхъ на европейскомъ материкѣ ей придется послать весьма значительный экспедиціонный корпусъ. Докторъ Диллонъ считаетъ, что для ускоренія развязки войны въ Европѣ Японіи достаточно будетъ послать 500 000 армію. Профессоръ Арига не принимаетъ на себя отвѣтственности рѣшенія, какое именно количество войскъ должно отправить на западъ, и всецѣло предоставляетъ это компетенціи военныхъ спеціалистовъ. Онъ настаиваетъ только на томъ, чтобы во главѣ японскихъ войскъ стоялъ японскій

командующій, который, будучи подчиненъ общимъ руководящимъ планамъ главнокомандующаго союзными арміями, въ то же время сохранилъ полную независимость начальника надъ своими частями. Только при такихъ условіяхъ, по мнѣнію Арига, японскія войска съ успѣхомъ смогутъ проявить отличительныя особенности своихъ дарованій.

Что же касается снабженія японскихъ войскъ боевыми припасами и провіантомъ, Арига думаетъ, что таковые придется закупать въ Европѣ на мѣстѣ, т. к. доставка всего необходимаго (въ томъ числѣ и тяжелыхъ орудій) пожалуй окажется невозможной. Поэтому лучше всего будетъ, если снабженіе японской арміи всѣмъ необходимымъ приметъ на себя одна изъ союзныхъ державъ.

При условіи самостоятельнаго веденія военныхъ дѣйствій, Арига считаетъ естественнымъ, чтобы расходы, связанные съ этими операціями, были оплачены японскимъ правительствомъ. Это де необходимо для того, чтобы Японія могла занять выгодное положеніе на предстоящей послѣ окончанія войны мирной конференціи.

Здѣсь мнѣнія Арига и Наникава существенно расходятся. Послѣдній считаетъ вполнѣ естественнымъ, если державы, ищущія вооруженной помощи японцевъ противъ германцевъ, заплатятъ Японіи за эту помощь звонкой монетой.

Наникава спрашиваетъ, можетъ ли считаться унизительнымъ для добраго имени и чести Японіи, если она получитъ необходимыя для посылки войскъ въ Европу средства отъ Англіи или Франціи? Самую возможность постановки такого вопроса Наникава считаетъ недоразумѣніемъ. Если ставить вопросъ на такую плоскость, пришлось бы признать, что другія державы могутъ безъ ущерба для своей чести безплатно пользоваться военной помощью Японіи, купленной цѣною жертвъ японскаго народа деньгами и человѣческими жизнями. Такимъ образомъ, только полученіе денегъ считается безчестнымъ. Впрочемъ, занимать деньги въ различныхъ мѣстахъ, чтобы потомъ имѣть возможность успѣшно продолжать на эти деньги войну, — уже не считается позорнымъ. Вспомнимъ, что въ прошломъ союзные народы получили деньги на расходы экспе-

диціи противъ Наполеона. Тогда это было допустимо. Почему же теперь Японія не можетъ принять отъ Англіи или Франціи денегъ, предлагаемыхъ ей за военную помощь, столь имъ необходимую? Всякому ясно, что честь и добрая слава Японіи нисколько не можетъ пострадать отъ принятія такого предложенія, и что это только указываетъ на то, что Японія является могущественной міровой державой.

Возможность постановки подобнаго вопроса проистекаетъ отъ сопоставленія древней японской индивидуальной добродѣтели съ современнымъ эгоизмомъ внѣшней политики. А между тѣмъ, къ этимъ понятіямъ нельзя подходить съ одинаковой мѣркой. Ошибочно чрезмѣрно подчеркивать эгоизмъ во внѣшней политикѣ, и относить этотъ эгоизмъ къ категоріи постыдныхъ явленій. Примите во вниманіе, что европейцы, а англичане въ особенности, отличаются своимъ эгоизмомъ во внѣшней политикѣ. При такихъ условіяхъ было бы не только неразумно, но прямо таки опасно слишкомъ настойчиво преслѣдовать альтруистическія цѣли во внѣшней политикѣ. А вѣдь есть же среди японцевъ и такіе, которые требуютъ, чтобы Японія нынѣ вернула безвозмездно Китаю только-что занятую ею территорію Кіаочао. И это послѣ того, какъ Японія затратила крупныя суммы на веденіе военныхъ операцій и потеряла драгоцѣнныя жизни многихъ своихъ доблестныхъ сыновъ!

Если въ Англіи и во Франціи поднимаются голоса въ пользу отправки японскихъ войскъ въ Европу, вполнѣ естественно будетъ пойти навстрѣчу этимъ пожеланіямъ. Но если при этомъ хотятъ утверждать, что англичане и французы въ силу присущаго имъ эгоизма хотятъ побороть опаснаго для нихъ врага военной силой и жертвами другихъ странъ, что они ради удобства и большей выгоды ихъ родины хотятъ использовать японскія войска на подобіе того, какъ они пользуются индійскими, тогда, конечно, возникаетъ вопросъ: да будетъ ли благоразумно ради эгоизма другихъ приносить въ жертву жизнь японскихъ солдатъ и благосостояніе японскаго народа? Не лучше ли будетъ, въ такомъ случаѣ, ограничиться военными дѣйствіями въ предѣлахъ Китайскаго моря, и не слѣ-

дуетъ ли Японіи придерживаться той же эгоистической политики Запада?

Посылка японскихъ войскъ въ Европу возможна уже исходя изъ одного факта отношеній воюющихъ сторонъ между Японіей съ одной стороны и Германіей съ Австро-Венгріей—съ другой. Но раньше чѣмъ отправлять въ Европу войска, необходимо заранѣе взвѣсить всѣ условія, при соблюденіи которыхъ этотъ шагъ будетъ дѣйствительно соотвѣтствовать интересамъ японскаго народа. Не слѣдуетъ забывать и того, что нынѣ всѣ (включая и Японію) заинтересованы въ возможно скорѣйшемъ окончаніи войны. Со времени начала военныхъ дѣйствій прошло какихъ-нибудь 5 мѣсяцевъ, а уже всѣ жалуются на то, что война затянулась до безконечности. Слѣдовательно, если посылка войскъ необходима, то съ ней слѣдуетъ поспѣшить.

Обыкновенно упускаютъ изъ виду весьма важный вопросъ о снабженіи японскихъ войскъ въ Европѣ необходимымъ провіантомъ и рисомъ. Дѣло въ томъ, что русскій хлѣбъ, несмотря на прекрасныя качества, не по вкусу японскимъ солдатамъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о французскомъ хлѣбѣ. Японцы издревле привыкли питаться рисомъ, и отсутствіе послѣдняго можетъ вредно отразиться на здоровьи японскихъ солдатъ.

Въ заключеніе можно упомянуть еще о двухъ возраженіяхъ противъ посылки японскихъ войскъ. Первое указываетъ на полную неустойчивость внутренняго политическаго положенія Китая, побуждающую ежеминутно опасаться возникновенія крупныхъ внутреннихъ смутъ. Въ случаѣ же возстанія въ Китаѣ Японіи придется одной принять на себя защиту жизни и безопасности проживающихъ въ Китаѣ иностранцевъ, для чего потребуются войска. Возраженіе это само собой отпадаетъ, т. к. въ Европу предполагается послать только часть японскихъ войскъ, и для надобностей Китая войскъ въ Японіи останется болѣе, чѣмъ достаточно.

Второе возраженіе основывается на утвержденіи, что полное уничтоженіе Германіи не только не въ интересахъ Японіи, но даже опасно для послѣдней. По мнѣнію г. Наникава, существованіе Германіи до сихъ поръ не принесло никакой

пользы для Японіи. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы въ будущемъ симпатіи Германіи къ Японіи могли бы послужить гарантіей международнаго положенія Японіи. Смѣшно говорить о будущей международной политикѣ Японіи, опирающейся на дружбу Германіи, той самой Германіи, которой Японія только что нанесла столь тяжкій и непоправимый ударъ на Дальнемъ Востокѣ. Если у Японіи есть блестящіе дипломаты, способные сегодняшнюю враждебную Германію превратить въ завтрашняго друга Японіи, то такіе талантливые люди, конечно, сумѣютъ и помимо Германіи найти страну, могущую въ будущемъ явиться другомъ для Японіи.

Подводя итоги всему вышесказанному, интересно отмѣтить, что японскіе публицисты признаютъ, что Германія, собственно говоря, никакихъ поводовъ для объявленія войны не давала. Въ Кіаочао былъ размѣщенъ небольшой гарнизонъ, германскія военныя суда изрѣдка останавливали для осмотра японскія торговыя суда или захватывали англійскіе купеческіе корабли. Все это не выходило изъ рамокъ обычныхъ явленій военнаго времени.

Нѣсколько странно звучатъ ссылки японскихъ публицистовъ на англо-японскій союзъ, когда они говорятъ объ обязанности Японіи послать свои войска въ Индію по первому требованію Англіи. Дѣло въ томъ, что § 3 англо-японскаго договора 1905 года, предусматривавшій вооруженную помощь Японіи въ случаѣ нападенія третьей державы на Индію, былъ отмѣненъ при пересмотрѣ этого договора въ 1911 году. Такимъ образомъ, нынѣ Японія, повидимому, не обязана отправлять свои войска въ Индію, если она хочетъ строго придерживаться буквы англо-японскаго союзнаго договора.

Мы, конечно, не можемъ предсказать, чѣмъ кончится вопросъ о посылкѣ японскихъ войскъ въ Европу. Тѣмъ не менѣе намъ кажется, что пока въ этомъ, къ счастью, не представляется никакой необходимости. Съ другой стороны намъ кажется глубоко ошибочнымъ требованіе тѣхъ изъ японцевъ, которые вмѣстѣ съ профессоромъ Арига требуютъ отправки японскихъ войскъ за счетъ Японіи. Мы не можемъ здѣсь

обойти молчаніемъ финансоваго положенія Японіи, которое далеко не можетъ считаться блестящимъ. При такихъ условіяхъ было бы крайне нежелательно возлагать на японскій народъ новыя тягости, въ связи съ доставкою и содержаніемъ японскихъ войскъ въ Европѣ. Деньги всегда и вездѣ были жизненнымъ нервомъ войны, и вотъ именно въ деньгахъ у Японіи чувствуется острая нужда.

Возвращаясь къ утвержденію г-на Укита, что Японія оказала неисчислимыя услуги союзникамъ, принявъ участіе въ борьбѣ съ Германіей на Дальнемъ Востокѣ, мы съ особымъ удовольствіемъ подчеркиваемъ, что услуги эти съ самаго вступленія Японіи въ борьбу противъ Германіи были должнымъ образомъ оцѣнены какъ въ Англіи и Франціи, такъ въ особенности и въ Россіи.

Нѣсколько странной кажется постановка г-номъ Укита вопроса: каково было бы положеніе Тройственнаго согласія, если бы Японія разорвала свой союзъ съ Англіей, вторглась въ предѣлы Сибири. и напала бы на Канаду или Австралію?

Относительно «если бы» да «кабы» существуетъ нарочито сложенная русская пословица объ огородѣ. Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе подобной эвентуальности, мы тѣмъ не менѣе на минуту остановимся на этомъ вопросѣ.

Конечно, положеніе Тройственнаго согласія было бы значительно затруднено. Англія, Франція и Россія, вѣроятно, должны были бы временно отказаться отъ дѣятельнаго выступленія на Дальнемъ Востокѣ. Здѣсь Японіи была бы предоставлена относительная свобода дѣйствій, до тѣхъ поръ пока сила Германіи не будетъ окончательно сломлена. Помѣшать же этому Японія оказалась бы не въ состояніи, т. к. выступленіе Японіи противъ Тройственнаго согласія не могло бы оказать вліянія на ходъ сухопутныхъ военныхъ дѣйствій въ Европѣ, и Германія, несмотря на вмѣшательство Японіи, по прежнему оставалась бы изолированной. Съ другой стороны Японія не смогла бы проявить особенно энергичной дѣятельности въ виду хроническаго малокровія своей казны. Японія постигла на себѣ всю тяжесть непосильныхъ военныхъ расходовъ, свя-

занныхъ съ русско-японской войны, и, конечно, не пожелала бы повторить тяжелаго урока.

Къ счастью, союзы не такъ легко разрываются. Японія осталась вѣрна Англіи, и не вторглась въ предѣлы Россіи. И мы не сомнѣваемся въ томъ, что японскій народъ никогда упрекнетъ за это свое правительство. Послѣднее съ мудрой трезвостью учло всѣ выгоды выступленія противъ Германіи. И нынѣ Японія при сравнительно незначительныхъ затратахъ владѣетъ новыми колоніями, которыя скоро съ избыткомъ вернутъ ей эти затраты, а съ другой стороны Японіи обезпечно столь блестящее международное положеніе, о которомъ она не могла и мечтать.

Но самымъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ можетъ оказаться русско-японское сближеніе, съ каждымъ днемъ принимающее все болѣе и болѣе реальныя формы.

15-го января 1915 г.

II.

Юаньшикай и японо-китайскія отношенія.

Несмотря на нѣкоторую натянутость японо-китайскихъ отношеній, наступленіе Новаго года было встрѣчено въ Китаѣ при значительно лучшихъ условіяхъ, нежели въ 1914 году. Въ теченіе 1914 года внутреннее положеніе страны постепенно укрѣплялось, а правительство мало по малу выходило изъ того тупика безвластья, въ который его загнали событія послѣднихъ трехъ лѣтъ.

Блестящія дипломатическія способности, богатый административный опытъ и чувство такта подсказали Юаньшикаю, что первой задачей его политики должно быть внутреннее успокоеніе страны, которое одно только и можетъ создать необходимое для будущаго созиданія китайской государственности основаніе. Юаньшикай неуклонно преслѣдовалъ въ теченіе всего 1914 года эту задачу внутренняго укрѣпленія страны и, несмотря на встрѣтившіяся серьезныя опасности и затрудненія, благополучно довелъ свой корабль до пристани 1915 года.

Мы помнимъ, какъ начало 1914 года ознаменовалось серьезнѣйшимъ парламентскимъ кризисомъ. Парламентъ былъ распущенъ, на членовъ либеральной партіи го-мин-данъ было начато рѣшительное гоненіе... Юаньшикай вставалъ передъ своимъ народомъ въ образѣ грознаго борца за власть. И слишкомъ многіе спѣшили обвинить перваго президента Китайской республики въ томъ, что онъ изъ личнаго честолюбія и жажды неограниченной власти стремится отнять у народа принадлежащія ему права. Рѣшительное выступленіе Юаньшикая противъ многорѣчивыхъ, но бездарныхъ китайскихъ демагоговъ потребовало отъ него много мужества и прозорливости. Въ началѣ 1914 года Юаньшикай стоялъ почти одинокій въ огромномъ Китаѣ, кругомъ него было слишкомъ много враговъ и завистниковъ, а новыя его мѣропріятія, расширявшія власть

президента до размѣровъ диктаторства, создавали благопріятную почву для активнаго выступленія оппозиціи противъ него. Но, къ счастью для Китая, активныхъ выступленій не послѣдовало и общество мало по малу пріучилось мириться съ «реакціей» Юаньшикая.

Начало 1914 года, какъ мы помнимъ, ознаменовалось учрежденіемъ Государственнаго Совѣта «Цаньчженьюань», законосовѣщательнаго органа, лишеннаго законодательной власти. Рѣшенія этого учрежденія получали силу закона только послѣ изданія президентскаго указа. Огромное политическое значеніе внутреннее и внѣшнее имѣетъ признаніе Совѣтомъ за Юаньшикаемъ пожизненнаго права на занятіе президентскаго поста. Этимъ актомъ устраняется возможность внутреннихъ смутъ, весьма вѣроятныхъ въ случаѣ выбора новаго президента Республики.

Признаніе Юаньшикая пожизненнымъ президентомъ является единственнымъ въ настоящее время разумнымъ выходомъ изъ создавшагося въ Китаѣ политическаго положенія, такъ какъ съ оставленіемъ Юаньшикаемъ президентскаго кресла было бы чрезвычайно трудно найти ему достойнаго преемника.

При такихъ условіяхъ кажутся чрезвычайно странными часто попадающіяся въ русской печати сообщенія о Китаѣ, рисующія положеніе Юаньшикая въ совершенно извращенномъ видѣ. Говорятъ, что борьба политическихъ партій въ Китаѣ достигла своего крайняго предѣла, но что всѣ эти партіи объединены общимъ стремленіемъ свергнуть «ненавистнаго всѣмъ Юаньшикая», опирающагося-де только на группу чиновниковъ центральныхъ провинцій.

Мы менѣе, чѣмъ кто-либо способны вѣрить въ быстрое и коренное преобразованіе всего строя китайской жизни. Но въ то же время мы не можемъ отрицать и извѣстныхъ успѣховъ, которые несомнѣнно достигнуты правительствомъ Юаньшикая въ теченіе истекшаго 1914 года. И эти успѣхи настолько осязательны, что утвержденія, будто бы Юаньшикай является предметомъ всеобщей ненависти—вызваны либо полнымъ незнаніемъ мѣстныхъ отношеній, либо предвзятостью дешеваго либерализма.

*

Если въ началѣ года правительство, чувствуя свою слабость, и вынуждено было пріостановить дѣйствіе мѣстныхъ провинціальныхъ самоуправленій, зато къ концу года оно почувствовало себя настолько окрѣпшимъ, что снова возстановило провинціальное самоуправленіе, хотя и съ нѣкоторыми измѣненіями. Правительству Юаньшикая, несомнѣнно, удалось до извѣстной степени возстановить порядокъ въ странѣ. Вспомнимъ хотя бы дѣятельность разбойничьихъ шаекъ въ большей части китайскихъ провинцій. Особую славу въ 1914 году пріобрѣли шайки Бѣлыхъ волковъ, или «Бѣлаго Волка». Правительству было особенно трудно бороться съ этими многочисленными и сравнительно хорошо организованными шайками. Правительственныя войска стояли не на должной высотѣ, были мало подготовлены къ серьезной задачѣ очищенія страны отъ разбойничьихъ шаекъ, да и сами не всегда являлись въ достаточной степени благонадежными. Несмотря на столь крупныя препятствія, встрѣченныя правительствомъ въ дѣлѣ преслѣдованія и уничтоженія разбойниковъ, отъ набѣговъ которыхъ стонала вся страна, къ концу 1914 года эта задача была до извѣстной степени выполнена. Предводитель шаекъ бѣлыхъ волковъ былъ убитъ. Бѣлые волки уже не даютъ о себѣ знать мирному населенію. Разсѣяны также и другія шайки разбойниковъ.

Конечно, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что не сегодня—завтра въ Китаѣ снова появятся разбойничьи шайки. Съ этимъ зломъ китайскому правительству еще долго придется бороться. Появленіе разбойниковъ—обычное въ Китаѣ явленіе, съ которымъ были безсильны бороться почти всѣ прежнія правительства Китая. И именно серьезнымъ преимуществомъ правительства Юаньшикая передъ этими послѣдними слѣдуетъ признать ту настойчивость и рѣшимость, съ которой оно довело до конца эту борьбу съ бичомъ мирнаго населенія Китая. Новымъ доказательствомъ того, что положеніе правительства значительно окрѣпло къ началу 1915 года, является манифестъ Юаньшикая объ амнистіи политическимъ преступникамъ, изданный по случаю наступленія Новаго года. Этимъ актомъ Юаньшикай можетъ надѣяться привлечь на свою сто-

рону симпатіи широкихъ либерально настроенныхъ китайскихъ круговъ. Лица, желающія воспользоваться амнистіей, должны подать въ соотвѣтствующія учрежденія прошенія о распространеніи на нихъ дѣйствія манифеста и даютъ письменное обѣщаніе никогда не принимать участія ни въ какихъ заговорахъ противъ правительства.

Блестящимъ подтвержденіемъ того, что вслѣдствіе наступившаго успокоенія населеніе начинаетъ относиться къ правительству съ большимъ довѣріемъ—служитъ успѣхъ внутренняго займа, къ которому пришлось прибѣгнуть правительству въ виду трудности получить въ настоящее время деньги изъ-за границы. Въ августѣ 1914 года была объявлена подписка на заемъ, и въ какіе-нибудь четыре мѣсяца было собрано 25 милліоновъ долларовъ. Для Китая такая сумма весьма значительна и обстоятельство это прямо указываетъ на несомнѣнный успѣхъ правительства.

Стремясь поднять престижъ власти въ глазахъ народныхъ массъ, Юаньшикай возстановилъ въ февралѣ 1914 года древніе религіозные обряды, которые были упразднены нахлынувшей революціонной волной. Указомъ президента было возстановлено поклоненіе Небу. 24-го декабря Юаньшикай принесъ въ храмѣ Неба торжественную жертву и испрашивалъ у Неба благословенія народу и правительству. Въ многочисленныхъ указахъ Юаньшикай идетъ навстрѣчу религіознымъ запросамъ китайскаго народа и подчеркиваетъ необходимость почитанія Конфуція въ семьѣ и школѣ. Народныя массы, всегда консервативныя въ вопросахъ своихъ религіозныхъ чувствъ, несомнѣнно отнесутся съ благодарностью къ возстановленію правительствомъ гражданскихъ правъ ихъ религіи.

Не касаясь здѣсь другихъ сторонъ многообразной внутреннеполитической дѣятельности правительства Юаньшикая, мы обратимся къ внѣшней политикѣ Китая и связаннымъ съ ней японо-китайскимъ недоразумѣніямъ.

Съ начала войны Китай объявилъ о своемъ намѣреніи сохранять строгій нейтралитетъ, что ему оказалось однако не подъ силу. 19-го августа японское правительство предъявило Германіи свой ультиматумъ, который былъ оставленъ безъ

отвѣта. Въ результатѣ—военныя дѣйствія. Видя невозможность для себя воспрепятствовать военнымъ дѣйствіямъ на своей территоріи, китайское правительство устанавливаетъ зону военныхъ дѣйствій. Германское правительство выступило съ протестомъ по этому поводу, а японское просто игнорировало установленную Китаемъ зону. Въ результатѣ японцами были заняты Шаньдунская желѣзная дорога, желѣзнодорожная станція Шаньдунской ж. д. въ Цзинаньфу и германскія копи у Хунъшань и Вейсянь. Съ паденіемъ Циндао между Японіей и Китаемъ возникаютъ тренія, дѣйствительное значеніе которыхъ до сихъ поръ представляется не совсѣмъ яснымъ.

Изгнавъ германцевъ изъ Шаньдуна, японское правительство и вида не показывало, что оно намѣрено убрать свои войска съ занятой ими китайской территоріи. Съ начала истекшаго декабря китайское правительство дѣлало неоднократныя представленія токіоскому правительству относительно уничтоженія военной зоны. Но всѣ эти представленія отклонялись японскимъ правительствомъ на томъ основаніи, что хотя Циндао и взятъ, военныя дѣйствія Японіи противъ Германіи еще не закончены, почему присутствіе японской арміи въ Шаньдунѣ пока-что представляется японскому правительству необходимымъ.

Съ своей стороны китайскій министръ иностранныхъ дѣлъ Суньбаоци обѣщалъ японскому посланнику въ Пекинѣ г-ну Хіоки, что военная зона въ Шаньдунѣ будетъ уничтожена китайскимъ правительствомъ только послѣ полученія предварительнаго согласія японскаго правительства. И вотъ, вдругъ, 7-го или 8-го января н. ст. китайское министерство иностранныхъ дѣлъ вручаетъ японскому посланнику Хіоки ноту слѣдующаго содержанія:

«Китайское правительство упразднило военную зону въ Шаньдунѣ и требуетъ поэтому удаленія японскихъ войскъ, находящихся въ упомянутой зонѣ».

Въ японской печати нѣтъ согласнаго мнѣнія относительно смысла и самаго содержанія упомянутой китайской ноты. Требуетъ ли Китай, чтобы ему была возвращена военная зона, поскольку она не входитъ въ предѣлы арендованной

германцами территоріи, включая и Шаньдунскую желѣзную дорогу, которая была использована японцами въ качествѣ базы для дѣйствій противъ Циндао, или же китайское правительство хочетъ полной эвакуаціи Шаньдуна и возвращенія Китаю арендованной Германіей территоріи.

Представляется невѣроятнымъ, чтобы китайское правительство теперь же стало требовать возвращенія ему германской арендованной территоріи, и гораздо болѣе естественнымъ представляется требованіе объ освобожденіи отъ японскихъ войскъ занятой изъ стратегическихъ соображеній китайской территоріи. Но японская печать не хочетъ входить въ разсмотрѣніе частностей самаго содержанія ноты и скорѣе склонна подчеркивать формальное ея значеніе.

Обсуждая создавшееся благодаря вышеупомянутой нотѣ положеніе, журналъ «Хина», органъ японскаго общества Тоадобункай, посвященнаго спеціальному изученію Китая, высказываетъ свое сильное неудовольствіе политикой правительства Юаньшикая. Журналъ «Хина» еще не имѣетъ въ своемъ распоряженіи точныхъ свѣдѣній относительно содержанія отвѣтной ноты японскаго правительства, но считаетъ вѣроятнымъ, что японское правительство въ своей нотѣ указало китайскому правительству на тѣ условія, которыя необходимы для сохраненія мира въ Восточной Азіи (*).

«Хина» съ сокрушеніемъ отмѣчаетъ, что несмотря на болѣе, чѣмъ двадцатилѣтнюю проповѣдь о единствѣ расы и культуры японцевъ и китайцевъ, въ Китаѣ враждебное къ Японіи настроеніе изъ года въ годъ растетъ со страшной силой. Причинъ для возникновенія и роста такой вражды, конечно, нѣсколько. Съ одной стороны она является слѣдствіемъ боязни китайцевъ, что Японія намѣревается присоединить къ себѣ китайскую территорію. Хина считаетъ, что нѣтъ ничего ошибочнѣе подобныхъ страховъ. Японія въ основаніе своего союза съ Англіей и соглашенія съ Россіей положила принципъ территоріальной неприкосновенности Китая, каковой принципъ и является краеугольнымъ камнемъ японской національной политики.

(*) Hina. 1. II. 1915.

Въ неприкосновенности Китая Японія заинтересована уже благодаря своему географическому положенію, которое позволяетъ Японіи занять первенствующее положеніе въ будущемъ мирномъ развитіи всѣхъ отраслей торговли и промышленности Китая. Китайская торговля и промышленность являются тѣмъ величайшимъ источникомъ богатства, который долженъ восполнить денежныя нехватки сильной оружіемъ Японіи. Но если бы въ одинъ прекрасный день Китай оказался разорваннымъ на части, то каждая держава, участница въ дѣлежѣ Китая, немедленно установила бы охранныя пошлины въ предѣлахъ отошедшей къ этой державѣ части китайской территоріи. И эти части оказались бы навсегда потерянными для японской торговли и промышленности, другими словами раздѣлъ Китая неизбѣжно влечетъ за собой сокращеніе доступнаго японскому вліянію экономическаго рынка Китая, а это въ свою очередь повлекло бы за собой такія послѣдствія для Японіи, которыя было бы даже трудно учесть на бумагѣ.

Проникновеніе европейскихъ державъ и Соединенныхъ Штатовъ Америки на китайскій материкъ привело бы къ тому, что границы этихъ державъ пришли бы въ непосредственное соприкосновеніе съ границами Японіи, а это подвергло бы послѣднюю чрезвычайной опасности. Въ результатѣ, Японія была бы вынуждена на непомѣрное увеличеніе расходовъ на вооруженія, а это въ свою очередь неизбѣжно привело бы страну къ гибельному финансовому истощенію и конечному краху.

Вотъ почему съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ Японія должна считать территоріальную неприкосновенность Китая важнѣйшимъ основаніемъ своей національной политики. Послѣ японо-китайской войны слабость китайскаго народа стала ясной для всѣхъ и европейскія державы соревновали другъ съ другомъ въ своемъ стремленіи подѣлить Китай. Послѣдній тѣмъ, что онъ существуетъ еще и сегодня, въ значительной степени обязанъ Японіи, которая заключила англо-японскій союзъ и обезвредила Россію на поляхъ Маньчжуріи. Не будь Японіи, Китай уже давно пересталъ бы существовать, какъ независимое государство.

Къ чему же эта безразсудная ненависть китайскаго народа и чиновничества къ Японіи?

Слабый Китай боится вторженія въ свою территорію сильной войскомъ Японіи. Среди китайскаго народа неустанно распространяются сказки о завоевательныхъ планахъ Японіи и, конечно, всѣ эти сказки выдаются за общественное мнѣніе Японіи. Но этого оказалось еще мало. Тѣми же нелѣпыми страхами руководилось и китайское правительство въ своей внѣшней и даже внутренней политикѣ, оказывая при каждомъ случаѣ предпочтеніе вліянію европейскихъ державъ и всячески стараясь помѣшать росту японскаго вліянія въ Китаѣ. И теперь: не довольствуясь тѣмъ, что оно и прежде неоднократно создавало затрудненія между Японіей и Китаемъ, китайское правительство словно нарочно создаетъ новыя затрудненія, а въ народѣ распространяются ложныя толкованія цѣлей и смысла японской политики.

Съ самого начала европейской войны народъ и правительство Китая были увѣрены въ томъ, что Японія воспользуется европейскимъ кризисомъ, чтобы осуществить свои аггрессивныя намѣренія относительно китайской территоріи. Когда же японское правительство послало Германіи свою историческую ноту, въ Китаѣ съ самаго начала отнеслись къ этому безъ должнаго спокойствія. Еще большую нервность проявилъ Китай и во всѣхъ возникшихъ затѣмъ между Китаемъ и Японіей вопросахъ, вмѣсто того, чтобы положиться на искренность японскаго правительства.

А затѣмъ, вдругъ, безъ всякаго предупрежденія китайское правительство выступаетъ со своей нотой объ уничтоженіи военной зоны!

Несомнѣнно, такое поведеніе китайскаго правительства объясняется, по мнѣнію редакціи «Хина», тѣмъ, что кабинетъ графа Окума въ настоящее время вынужденъ бороться съ оппозиціей нѣсколькихъ политическихъ партій, что конечно ослабляетъ его положеніе. Учитывая возможность паденія японскаго кабинета, китайское правительство думаетъ, что Японія при всемъ желаніи не сможетъ проводить рѣшительную политику въ Китаѣ. Пренебрежительно относясь къ проч-

ности теперешняго японскаго правительства, руководители Китая учитывали поддержку европейскихъ державъ противъ Японіи, почему и пришли къ внезапному рѣшенію уничтожить военную зону. Такого высокомѣрія по отношенію къ Японіи Китай не проявлялъ со времени японо-китайской войны. Своимъ произвольнымъ выступленіемъ китайское правительство создаетъ серьезныя затрудненія между Японіей и Китаемъ и даетъ другимъ державамъ удобный случай удить рыбку въ мутной водѣ, чѣмъ подвергаетъ въ конечномъ счетѣ опасности судьбу не только своей страны, но и Японіи.

Какъ правительство, такъ и общество въ Китаѣ слишкомъ низко оцѣниваютъ дѣйствительную силу Японіи, ставя ее ниже мощи державъ Европы и Америки. На самомъ же дѣлѣ, кромѣ Японіи нѣтъ въ мірѣ ни одной державы, которая была бы въ состояніи перебросить на китайскую территорію армію въ милліонъ штыковъ. Тѣмъ болѣе, при такихъ условіяхъ глупо во время европейскаго кризиса разсчитывать, что другія державы обуздаютъ Японію. Въ исторіи Китая немало примѣровъ тому, какъ онъ пользовался соперничествомъ державъ, избѣгая выполнять ихъ требованія. Но всѣ эти попытки въ концѣ концовъ приводили къ результатамъ, печальнымъ для самого Китая. Вспомнимъ хотя бы послѣдствія пересмотра мирнаго договора послѣ японо-китайской войны, произведеннаго въ 1895 году, благодаря вмѣшательству Россіи, Германіи и Франціи. Японіи этимъ вмѣшательствомъ былъ нанесенъ серьезный ущербъ. Но что выигралъ отъ этого Китай? Развѣ онъ не заплатилъ вышеупомянутымъ державамъ собственной территоріей за ихъ благосклонность къ себѣ?

Сегодня же, разсчитывая на слабость кабинета графа Окума, Китай ошибается не менѣе жестоко, т. е. японская національная политика не зависитъ отъ прочности того или другого кабинета. Китайская печать не перестаетъ трубить о намѣреніи Японіи захватить китайскую территорію, но Японія въ дѣйствительности озабочена только тѣмъ, чтобы охранить неприкосновенность китайской территоріи. И нужно надѣяться, что умный Юаньшикай послѣ бесѣдъ съ японскимъ послан-

никомъ Хіоки убѣдится въ искренности намѣреній Японіи обезпечить миръ въ Восточной Азіи.

Современное международное политическое положеніе указываетъ на постепенное усиленіе расовой борьбы, которая, становясь все болѣе ожесточенной, наконецъ, докатитъ свои волны и до Восточной Азіи. Вотъ почему Японіи и Китаю не слѣдуетъ взаимными распрями между собой давать другимъ державамъ удобнаго случая для извлеченія выгодъ изъ японо-китайскихъ треній. Вотъ почему японское правительство стремится охранить территоріальную неприкосновенность Китая и содѣйствовать его экономическому и промышленному развитію.

Если Китай откажется отъ своей старой политики недоброжелательства и недовѣрія къ Японіи, тогда ему не придется въ будущемъ испытать новыхъ бѣдствій и вмѣстѣ съ Японіей онъ сможетъ пользоваться продолжительнымъ благополучіемъ. Въ противномъ же случаѣ гибель угрожаетъ не только Китаю, но и Японіи. Китай безъ Японіи, какъ и Японія безъ Китая одинаково обречены на гибель. И, сознавая эту опасность, правительства обоихъ государствъ должны выработать основанія, необходимыя для мирныхъ и дружественныхъ отношеній между обѣими странами.

Мы напрасно стали бы искать въ приведенныхъ выше выдержкахъ спеціальнаго органа общества Тоадобункай какихъ-либо оригинальныхъ и новыхъ для насъ мыслей (*). Но въ высшей степени характернымъ для насъ представляется именно то, что сѣтованія, высказанныя въ «Хина» о китайской недовѣрчивости и враждебности къ Японіи, повторяются рѣшительно всѣми органами японской печати. Сегодня, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, японская печать приводитъ самые убѣдительные (по ея мнѣнію) доводы въ пользу необходимости японо-китайскаго сближенія, и до сихъ поръ ей приходится признать, что японо-китайскія отношенія, если и измѣняются, то только въ отрицательную сторону.

(*) Сравните хотя бы съ нашими: Японія и Китай (Японскія письма), «Морск. Сборн.» 1913 г. № 5; Японо-китайское сближеніе (Лѣтопись Востока), «Морск. Сборн.» 1914. № 2.

Конечно, японская печать до извѣстной степени права, приписывая несговорчивость китайскаго правительства интригамъ Германіи и другой страны (Соединенныхъ Штатовъ), но съ другой стороны необходимо принять во вниманіе и то, что китайскому правительству приходится считаться съ растущимъ патріотическимъ движеніемъ среди образованныхъ китайскихъ круговъ, которые пропитаны чувствомъ глубокаго отвращенія ко всякому вмѣшательству извнѣ въ китайскія дѣла и очень чувствительны въ вопросахъ національной чести. Согласиться на что-нибудь похожее на умаленіе независимости страны и ея территоріальной неприкосновенности, значило бы вызвать непримиримую ненависть этой части китайскаго народа и можетъ быть скомпрометтировать самое существованіе теперешняго правительства.

Японской печати слѣдовало бы принять во вниманіе это обстоятельство и воздержаться отъ слишкомъ рѣзкихъ сужденій о томъ, что китайская нота является самой оскорбительной изъ всѣхъ, полученныхъ Японіей отъ Китая со времени японо-китайской войны. Обвиненія Юаньшикая въ томъ, что онъ всегда ненавидѣлъ Японію и является главнымъ виновникомъ непримиримой политики Китая, также не могутъ способствовать установленію дружественныхъ отношеній между обѣими странами. Какая можетъ быть дружба, какое возможно довѣріе между Китаемъ и Японіей, когда такіе серьезные органы японской печати, какъ «Асахи», прямо утверждаютъ, что отношенія между этими двумя странами не могутъ быть улучшены до тѣхъ поръ, пока Юаньшикай не откажется отъ своего ненавистничества къ Японіи.

17-го января н. ст. японское правительство представило Юаньшикаю свою отвѣтную ноту, содержаніе которой хранится въ строгой тайнѣ. Въ виду же того, что китайское правительство медлило съ отвѣтомъ на эту ноту, японское правительство предполагало принять соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы ускорить китайскій отвѣтъ.

Однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій японо-китайскаго конфликта слѣдуетъ признать отставку китайскаго министра иностранныхъ дѣлъ Суньбаоци. Послѣдній нѣкоторое время

занималъ посты китайскаго посланника въ Парижѣ и Берлинѣ. Во время своего пребыванія въ Берлинѣ Суньбаоци пріобрѣлъ много друзей среди высшаго германскаго общества и сталъ вѣрнымъ проводникомъ германскаго вліянія въ Китаѣ. Поэтому трудно повѣрить, чтобы онъ оставилъ свой постъ министра только руководясь желаніемъ снять съ себя отвѣтственность за возникновеніе японо-китайскаго конфликта. Гораздо вѣроятнѣе, что онъ ушелъ недобровольно, и что Юаньшикай подъ давленіемъ японскаго правительства былъ вынужденъ удалить отъ себя министра съ ярко выраженными германофильскими симпатіями.

Говорятъ, что въ Шаньдунѣ анти-японское настроеніе сильно растетъ, чѣмъ успѣшно пользуются германцы и «другіе», недружелюбно относящіеся къ Японіи. Говорятъ, что въ Пекинъ была послана делегація, которая представила правительству требованіе объ удаленіи японскихъ войскъ изъ Шаньдуна, что и вынудило въ концѣ концовъ Юаньшикая предъявить Японіи отнынѣ знаменитую ноту 7-го января. Но такъ или иначе, во всѣхъ этихъ слухахъ неизмѣнно упоминаются германскіе происки, на которые и сваливаютъ вину за всѣ нынѣ происходящія между Японіей и Китаемъ тренія.

Въ настоящее время главными проводниками германскихъ идей на Дальнемъ Востокѣ являются «Der Ostasiatische Lloyd» и «Deutsche Zeitung für China», послѣдняя только что основана, и должна пополнить убыль въ германскихъ рядахъ вслѣдствіе закрытія «Tsingtauer Neuesten Nachrichten». Эти два германскихъ органа являются олицетвореніемъ послѣдняго оплота германскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Согласно инструкціямъ новаго энергичнаго германскаго посланника въ Пекинѣ фонъ Гинце, оба эти органа ведутъ усиленную агитацію противъ Россіи, Англіи и Японіи. Болѣе всего, конечно, достается послѣдней.

Чтобы дать наглядное представленіе о той формѣ, въ которую выливается германская пропаганда анти-японскихъ чувствъ въ Китаѣ, мы приводимъ ниже нѣсколько выдержекъ изъ еженедѣльнаго журнала «Der Ostasiatische Lloyd.

Японская политика въ Китаѣ покрыта мракомъ таинственности. Будущія намѣренія Японіи въ Шаньдунѣ неизвѣстны, пока же создается такое впечатлѣніе, что она хочетъ оставить его въ своихъ рукихъ. Но японцы не имѣютъ никакого права устраиваться въ Цзинаньфу, устанавливать тамъ смѣшанный японо-китайскій судъ и занимать его своими войсками. Не имѣютъ они права и занимать Шаньдунскую желѣзную дорогу и пресловутую военную зону. Они не имѣютъ далѣе права и навязывать населенію Шаньдуна свои военныя банкноты и препятствовать обращенію на Шаньдунской желѣзной дорогѣ принятыхъ въ странѣ денегъ. Далѣе, Японія не имѣетъ никакого права осуществлять въ Кіаочао какое-либо вліяніе или давленіе. Управленіе Шаньдунской желѣзной дорогой Японія могла бы съ успѣхомъ передать комиссіи изъ состава правленія Тяньцзинь-Пукоуской ж. д. Конечно такая передача была бы не по вкусу японцамъ! Когда Японія начала свой походъ противъ Циндао, она дала понять, что можетъ быть вернетъ его Китаю, но теперь, повидимому, не намѣрена этого дѣлать. Японскіе купцы уже получили проходныя свидѣтельства для полосы вдоль желѣзной дороги, дабы они могли выяснить мѣста, гдѣ могутъ осѣсть ихъ представители. Въ Цзинаньфу уже учреждена японская торговая палата. Всѣ эти мѣры повторяютъ японскія мѣропріятія въ Маньчжуріи послѣ русско-японской войны.

Если бы Японія была искренна, она конечно могла бы въ теченіе одной недѣли убѣдить въ этомъ весь свѣтъ. Достаточно было бы ей передать управленіе Циндао международной внѣпартійной комиссіи съ тѣмъ, чтобы это положеніе продолжалось до окончанія европейской войны. И этого было бы достаточно, чтобы убѣдить весь міръ въ искренности Японіи. Однако она этого не хочетъ и заявляетъ, что намѣрена оставить Циндао въ своихъ рукахъ на все время войны. Но ко времени окончанія войны положеніе Японіи въ Шаньдунѣ очень окрѣпнетъ и ея военныя силы устроятся тамъ не менѣе прочно, чѣмъ въ Маньчжуріи. Тогда Китай, вѣроятно, окажется еще менѣе способнымъ, чѣмъ теперь, обуздать японское своеволіе. И при всемъ этомъ японская полу-офи-

ціозная печать требуетъ отъ японскаго правительства болѣе рѣшительной политики (*)!

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Китаѣ существуетъ чувство глубокой ненависти къ японцамъ, такъ какъ Японія преслѣдуетъ цѣли, угрожающія независимости Китая. Въ Японіи существуетъ два спорныхъ теченія. Одно изъ нихъ считаетъ, что Японія должна утвердиться въ Китаѣ силой, другое— что это должно быть сдѣлано путемъ мирнаго проникновенія въ Китай. Есть данныя, заставляющія предполагать, что японское правительство стремится именно къ послѣднему, стараясь установить хорошія отношенія со слабымъ сегодня Китаемъ. Въ этомъ отношеніи характернымъ примѣромъ дѣятельности японскаго правительства является рѣшеніе прислать высокопоставленнаго японскаго чиновника или священнослужителя на могилу Конфуція въ Шаньдунѣ. Этимъ японское правительство хочетъ показать, что обычаи Японіи и Китая одинаковы и что въ ихъ основѣ лежитъ конфуціанство. Все чаще и чаще говорятъ о расовой общности китайцевъ и японцевъ и о томъ, что оба эти народа должны возможно тѣснѣе сблизиться между собой. По Китаю нынѣ разъѣзжаетъ несмѣтное число японскихъ агентовъ, проявляющихъ усиленную дѣятельность. Между прочимъ, къ такимъ принадлежитъ и японскій офицеръ Сато (китайское имя его Цзитэнхэнъ). Издающаяся въ Пекинѣ газета Хуанъчанъ-жи-бао помѣстила слѣдующія прокламаціи, которыя, будто бы, распространяются японскимъ офицеромъ Сато среди китайскихъ революціонеровъ:

Наступитъ день, въ который лежащія въ одной части свѣта и обладающія одной письменностью Японія и Китай должны будутъ ради своей самозащиты стать рядомъ. Поэтому Китай поступитъ благоразумно, если приметъ совѣтъ Японіи и будетъ совмѣстно съ ней работать надъ охраненіемъ своей территоріи. Для выполненія этого необходимы слѣдующія предварительныя условія:

(*) Der Ostasiatische Lloyd. 20. XI. 1914. № 46.

1) Существующее правительство должно быть свергнуто и замѣнено дѣйствительно прогрессивнымъ. Стоящіе во главѣ правленія чиновники само собой разумѣется должны быть китайцами. Но въ виду того, что въ настоящее время въ Китаѣ нѣтъ способныхъ чиновниковъ, это должна принять на себя Японія.

2) Китайская торговля и промышленность должна получить рѣшительный импульсъ впередъ. И хотя говорятъ, что Японія страна бѣдная, она можетъ помочь въ этомъ китайскому народу. Какъ только у власти будетъ поставлено новое правительство, всѣ промышленныя учрежденія Китая будутъ поставлены подъ японскій контроль. Выгоды такого мѣропріятія — двойныя: Японіи легче, чѣмъ Китаю заключить промышленные займы за границей, и какъ только Японія станетъ экономически твердой ногой въ Китаѣ, проникновенію сюда для бѣлыхъ расъ будетъ поставлено длительное препятствіе.

3) Между Японіей и Китаемъ должно быть заключено военное соглашеніе въ цѣляхъ предупрежденія внутреннихъ безпорядковъ и вторженія иностранцевъ извнѣ. Въ виду военной слабости Китая, онъ долженъ свои войска употребить исключительно для поддержанія внутренняго порядка въ странѣ. Японія же размѣщаетъ въ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ Китая гарнизоны, которые должны защищать Китай отъ внѣшнихъ враговъ. То обстоятельство, что Циндао перешло въ руки японцевъ, и что между этой гаванью и Портъ-Артуромъ съ Дальнимъ установлена стратегическая связь, можетъ только способствовать защитѣ Китаѣ.

Германскій журналъ глубокомысленно присовокупляетъ, что въ этихъ мысляхъ нашло себѣ выраженіе панъ-азіатское движеніе, проводимое японцами въ Китаѣ, и предупреждаетъ европейскія державы, что онѣ должны обратить вниманіе на это движеніе (*).

Мы считаемъ, что было бы слишкомъ неосторожно приписывать японскому правительству замыслы полнаго закабаленія

(*) Der Ostasiatische Lloyd. 11. XII. 1914. № 49.

Китая. Конечно, въ каждой странѣ можно найти неуравновѣшенныхъ фанатиковъ какой-нибудь вздорной идеи, но это всегда будутъ единичныя личности, не имѣющія никакого вліянія на будущее страны и развитіе международныхъ отношеній. Но для характеристики германской пропаганды, не гнушающейся никакими средствами для того, чтобы посѣять недовѣріе между союзными державами, приведенная выше выдержка въ достаточной степени характерна.

Въ другомъ номерѣ того же журнала сообщается о тѣхъ приготовленіяхъ, которыя рѣшены китайскимъ правительствомъ для борьбы противъ аггрессивности Японіи.

Китайскій народъ начинаетъ сплачиваться только подъ вліяніемъ сильныхъ толчковъ извнѣ. И нынѣ всякій разумный китаецъ отдаетъ себѣ отчетъ, что Китай долженъ будетъ поплатиться своей независимостью, если онъ и далѣе будетъ итти старой дорогой. Теперь въ Китаѣ сильнѣе, чѣмъ когда либо встаетъ сознаніе, что должны быть найдены пути и средства сдѣлать Китай сильнымъ не только внутри, но и снаружи, дабы впредь ему не страшенъ былъ никакой врагъ. Въ общественной жизни Китая замѣтно присутствіе многочисленныхъ націоналистически настроенныхъ лицъ, чему особенно способствуютъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ. Но и сегодня число китайскихъ націоналистовъ слишкомъ незначительно, чтобы осуществлять глубокое вліяніе на народныя массы. Это уже будетъ дѣломъ школы, черезъ которую пройдутъ будущія поколѣнія Китая. Конечно, и сегодня нѣтъ недостатка въ предложеніяхъ способовъ, долженствующихъ оградить Китай отъ внѣшней опасности. Близорукіе патріоты видятъ единственное спасеніе Китая въ объявленіи Китаемъ войны Японіи раньше, чѣмъ она успѣетъ окончательно укрѣпиться на Шаньдунскомъ полуостровѣ. Въ дѣйствительности же, единственнымъ способомъ оградить себя отъ внѣшней опасности должна быть продолжительная и упорная работа въ дѣлѣ внутренней реорганизаціи страны, для чего нужно преобразованіе всего строя китайской жизни и огромныя деньги прежде всего.

Американскіе китайцы выступили съ проектомъ собрать для этой цѣли 400 милліоновъ долларовъ, на которые могутъ быть осуществлены всѣ необходимыя Китаю реформы. Съ этой цѣлью всѣ китайскіе граждане, начиная съ президента республики и кончая послѣднимъ крестьяниномъ должны пожертвовать свой мѣсячный заработокъ для покупки займа. Такимъ образомъ, національный 400 милліонный заемъ окажется весьма легко осуществимъ. При помощи собранныхъ такимъ путемъ денегъ Китай окажется въ состояніи предпринять коренную реорганизацію своей арміи. Будутъ построены сильныя укрѣпленія вдоль китайскаго побережья, будетъ отстроенъ сильный флотъ, а страна будетъ покрыта сѣтью стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ. Съ помощью собранныхъ суммъ Китай доведетъ свою армію до 2 милліоннаго состава.

Само собой разумѣется, что этому проекту американскихъ китайцевъ такъ и суждено остаться проектомъ. Но съ другой стороны и китайское правительство, повидимому, не остается бездѣятельнымъ, если вѣрить сообщеніямъ приведеннымъ въ «Der Ostasiatische Lloyd».

Этотъ журналъ сообщаетъ, что нѣсколько времени тому назадъ китайскія военныя власти разослали по всѣмъ округамъ приказъ, чтобы въ теченіе ближайшихъ трехъ мѣсяцевъ каждый округъ набралъ отъ 600 до 1000 рекрутъ, въ зависимости отъ своей величины. Это должны быть молодые люди не моложе двадцати лѣтъ, ростомъ не ниже 4 футовъ и 8 дюймовъ, изъ хорошихъ семей, обладателей недвижимости или ремесленниковъ. Послѣ того какъ наборъ будетъ законченъ, подлежащія военныя власти произведутъ осмотръ, чтобы убѣдиться, насколько эти рекруты пригодны для военной службы.

Наборъ будетъ начатъ по полученіи соотвѣтствующаго приказанія изъ Пекина. Въ теченіе года правительство надѣется произвести такіе наборы по всей странѣ, послѣ чего рекруты будутъ обучены по германскому методу. Время службы будетъ трехлѣтнее. По истеченіи этого срока солдаты отпускаются и зачисляются въ резервъ. Одновременно ихъ замѣщаютъ новые рекруты. Китай раздѣленъ приблизительно на 1970 округовъ, и китайское правительство такимъ образомъ

будетъ располагать арміей въ полтора милліона человѣкъ. Въ Пекинѣ твердо убѣждены въ томъ, что эта реформа удастся Юаньшикаю. Тогда-де онъ сможетъ заговорить съ японцами другимъ языкомъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка мы позволимъ себѣ высказать наше мнѣніе о томъ, какъ мы должны относиться къ создавшемуся положенію на Дальнемъ Востокѣ.

По нашему глубокому убѣжденію, Юаньшикай является въ настоящее время единственнымъ государственнымъ дѣятелемъ, способнымъ вывести Китай на путь прогресса. Мы прекрасно понимаемъ, что для этого потребуется работа многихъ лѣтъ, на которую можетъ быть даже и не хватитъ жизни престарѣлаго президента. Но во всякомъ случаѣ мы уже видѣли, что 1914 годъ благодаря неустаннымъ трудамъ Юаньшикая, принесъ замѣтное успокоеніе и укрѣпленіе внутренняго положенія Китая. И мы сердечно привѣтствуемъ этотъ успѣхъ Юаньшикая.

Возникшія японо-китайскія тренія не должны привести къ какимъ-либо серьезнымъ осложненіямъ на Дальнемъ Востокѣ. Тѣмъ не менѣе самый фактъ возможности этихъ треній прискорбенъ уже самъ по себѣ. Мы желали бы видѣть японо-китайскія отношенія проникнутыми тѣмъ довѣріемъ и дружбой, которыя безусловно необходимы для находящихся въ непрерывныхъ другъ съ другомъ взаимоотношеніяхъ народовъ.

17-го февраля 1915 г.

III.

Кризисъ второго кабинета графа Окума.

Съ самаго начала европейскаго кризиса японское правительство сочло необходимымъ выступить съ офиціальнымъ заявленіемъ о своемъ отношеніи къ кризису, каковое и было сдѣлано 4-го августа (новаго стиля) 1914 г. японскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ барономъ Като. Ниже мы приводимъ это заявленіе почти полностью:

«Императорское Правительство можетъ разсматривать послѣднія событія, имѣвшія мѣсто въ Европѣ, только съ чувствомъ величайшей озабоченности, какъ съ политической, такъ и съ экономической точекъ зрѣнія. Нѣтъ надобности говорить, что Императорское Правительство уповаетъ на быстрое окончаніе войны и возстановленіе мира. Но если война должна будетъ, къ сожалѣнію, затянуться, Императорское Правительство надѣется, что она не выйдетъ за естественные предѣлы воюющихъ державъ, при каковомъ условіи Императорское Правительство можетъ надѣяться сохранить свое отношеніе строгаго нейтралитета. Несмотря на это, Правительство должно будетъ съ величайшимъ вниманіемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ событій. Въ случаѣ, если Англія окажется втянутой въ конфликтъ и возникнетъ вопросъ объ англо-японскомъ союзѣ, Японія можетъ принять тѣ мѣры, которыя она сочтетъ необходимыми для выполненія лежащихъ на ней въ связи съ союзомъ обязательствъ. Однако въ настоящее время нельзя предсказать, будетъ ли такое выступленіе необходимо. Императорское Правительство удѣляетъ величайшее вниманіе создавшемуся благодаря кризису положенію, хотя и надѣется, что указанная выше эвентуальность и не представится».

Такимъ образомъ японское правительство 4-го августа въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ заявило, что оно надѣется, что европейская война не повліяетъ на мирное теченіе жизни въ Восточной Азіи, но что въ то же время Японія

не остановится передъ выполненіемъ своихъ союзническихъ обязательствъ по отношенію къ Англіи, если этого отъ нея потребуютъ обстоятельства.

Какъ только Англія приняла участіе въ европейской войнѣ, она тотчасъ же обратилась къ японскому правительству съ просьбой о помощи, основываясь при этомъ на условіяхъ англо-японскаго союза. Японское правительство со своей стороны рѣшило пойти навстрѣчу желаніямъ Англіи и обратилось 15-го августа (н. ст.) съ ультиматумомъ къ Германіи:

«Императорское Правительство считаетъ при настоящихъ условіяхъ въ высшей степени важнымъ и необходимымъ принятіе такихъ мѣръ, которыя бы устранили всякіе поводы къ нарушенію мира въ Восточной Азіи и оградили общіе интересы, предусмотрѣнные въ союзномъ договорѣ между Японіей и Великобританіей. Японское правительство въ цѣляхъ сохраненія прочнаго и длительнаго мира въ Восточной Азіи, каковой является цѣлью упомянутаго выше договора, считаетъ своимъ долгомъ дать Императорскому Германскому Правительству искренній совѣтъ выполнить слѣдующія два предложенія:

1) Немедленно удалить изъ японскихъ и китайскихъ водъ германскіе военные и вооруженные корабли всѣхъ родовъ и немедленно разоружить тѣ изъ нихъ, которые не могутъ быть удалены.

2) Не позже 15-го сентября 1914 г. безъ условій и безъ всякаго вознагражденія передать японскимъ властямъ арендную территорію Кіао-чао съ тѣмъ, что эвентуально область эта будетъ возвращена Китаю.

Въ то же время Императорское правительство увѣдомляетъ, что въ случаѣ, если до полудня 23-го августа оно не получитъ отвѣта отъ Императорскаго Германскаго Правительства, содержащаго безусловнаго принятія преподаннаго Императорскимъ Японскимъ Правительствомъ совѣта, то послѣднее будетъ вынуждено принять тѣ мѣры, которыя оно найдетъ соотвѣтствующими при данныхъ условіяхъ».

Въ виду того, что германское правительство не дало отвѣта на предъявленный ему ультиматумъ, японское правительство въ тотъ же день 23-го августа н. ст. объявило Германіи

войну. При этомъ защиту интересовъ японскихъ подданныхъ въ Германіи по просьбѣ японскаго правительства приняло на себя правительство С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

4-го сентября н. ст. въ Токіо открылась чрезвычайна сессія Парламента для вотированія расходовъ на веденіе войны.

Офиціально сессія была открыта самимъ Императоромъ слѣдующей рѣчью:

«Открывая сессію Императорскаго Парламента, Мы возвѣщаемъ членамъ Палатъ Перовъ и Общинъ нижеслѣдующее: въ виду того, что европейская война простерлась до Восточной Азіи, Мы были вынуждены объявить Германіи войну, чтобы обезпечить Восточной Азіи прочный и длительный миръ. Мы ожидаемъ, что наши подданные лояльно и единодушно сдѣлаютъ все, чтобы достичь цѣли настоящей войны и увеличить славу націи. Мы приказали нашимъ министрамъ представить Парламенту необходимый въ виду войны бюджетъ и прочіе законопроекты и Мы надѣемся, что вы, господа въ полномъ сознаніи нашихъ намѣреній, окажете имъ полное содѣйствіе».

На слѣдующій день министръ-премьеръ графъ Окума выступилъ въ Нижней Палатѣ съ рѣчью, въ которой онъ выразилъ полную увѣренность, въ томъ, что внесенные правительствомъ законопроекты будутъ приняты Парламентомъ.

Объяснить причины, побудившія Японію объявить войну Германіи, выпало на долю министра иностранныхъ дѣлъ барона Като. Послѣдній между прочимъ разъяснилъ, что въ то время, когда Англія обратилась къ Японіи съ просьбой о помощи, германскіе военные корабли и вспомогательные крейсеры крейсировали въ водахъ Восточной Азіи и подвергали сильной опасности какъ торговлю Японіи, такъ и ея союзниковъ. Въ то же время въ Кіао-чао, Германія производила усиленныя военныя приготовленія, цѣль которыхъ была открыто направлена къ тому, чтобы создать изъ арендованной у Китая земли прочную базу для германскихъ военныхъ операцій на Дальнемъ Востокѣ.

При такихъ условіяхъ возникали серьезныя опасенія относительно сохраненія мира въ Восточной Азіи. А между тѣмъ,

цѣлью англо-японскаго союза именно и являлось укрѣпленіе и поддержаніе мира на Дальнемъ Востокѣ, а также охраненіе независимости и неприкосновенности Китая и принципа открытыхъ дверей для торговли и промышленности всѣхъ народовъ въ этой странѣ. Наконецъ, союзъ обезпечивалъ защиту территоріальныхъ и другихъ специальныхъ интересовъ союзниковъ въ Восточной Азіи.

Въ виду того, что Англія обратилась къ Японіи съ просьбой о помощи, и въ то же время торговля въ Восточной Азіи представляла специальный интересъ какъ для Англіи, такъ и для Японіи и находилась подъ постоянной угрозой со стороны Германіи, Японія не могла иначе поступить и должна была пойти навстрѣчу желаніямъ своей союзницы. Кромѣ того японское правительство считаетъ владѣніе Германіи на Дальнемъ Востокѣ военной базой серьезнымъ препятствіемъ для сохраненія прочнаго и длительнаго мира въ Восточной Азіи, и это тѣмъ болѣе, что интересы Германіи стоятъ въ противорѣчіи какъ съ интересами Англіи, такъ и съ интересами Японіи.

Рѣшивъ оказать содѣйствіе англійскому правительству и въ случаѣ надобности объявить Германіи войну, японское правительство представило свое рѣшеніе на одобреніе Императора. Послѣ того, какъ рѣшеніе это получило императорскую санкцію, о немъ было немедленно сообщено великобританскому правительству. Послѣдовалъ обмѣнъ мнѣній, въ которомъ оба правительства подвергли обстоятельному разсмотрѣнію мѣропріятія, необходимыя въ цѣляхъ обезпеченія интересовъ обѣихъ странъ.

То обстоятельство, что у Японіи не было ни склонности, ни желанія начинать войну съ Германіей, ясно видно изъ того, что японское правительство обратилось къ германскому правительству съ дружественнымъ «совѣтомъ», на который, къ сожалѣнію, не послѣдовало отвѣта.

Затѣмъ, министръ финансовъ г. Вакатсуки выступилъ въ Палатѣ съ разъясненіями относительно бюджетныхъ предположеній въ связи съ военными дѣйствіями противъ Германіи. Просимыя ассигнованія на армію и флотъ достигаютъ 51 милліона енъ, къ которымъ должно прибавить два милліона изъ

резервнаго фонда и 13 милліоновъ на спѣшныя военныя нужды. Всего, такимъ образомъ, на веденіе войны противъ Германіи испрашивалось 66 милліоновъ.

Послѣ того, какъ представители правительства дали свои предварительныя объясненія Палатѣ, на сцену выступаетъ оппозиція со своими запросами. Одинъ изъ лидеровъ оппозиціонной правительству либеральной партіи Сэйюкай г-нъ Оока указываетъ правительству, что оно прежде исчисляло стоимость военныхъ дѣйствій противъ Германіи въ размѣрѣ 15—16 милліоновъ енъ, теперь же вдругъ эти цыфры выростаютъ до 66 милліоновъ. Далѣе правительство не опубликовало никакихъ свѣдѣній относительно хода переговоровъ между японскимъ и великобританскимъ правительствами.

Премьеръ графъ Окума, отвѣчая оппозиціи, заявилъ, что, когда правительство дѣлало первоначальныя предположенія о предполагаемой стоимости кампаніи противъ Германіи, въ его рукахъ не было никакихъ опредѣленныхъ данныхъ.

Членъ партіи Сейюкай г-нъ Томидзу предъявилъ правительству запросъ о томъ, дѣйствительно ли японское министерство иностранныхъ дѣлъ находится подъ столь сильнымъ вліяніемъ англійскаго правительства, что министерство иностранныхъ дѣлъ въ Токіо носитъ скорѣе характеръ филіальнаго отдѣленія великобританскаго правительства.

Затѣмъ запросы оппозиціи коснулись того, насколько совмѣстимы совѣщанія премьера Окума со старѣйшинами (гэнро) съ его отвѣтственностью, въ качествѣ министра; не была ли Японія втянута въ войну только для того, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ неустройствъ.

Графъ Окума отвѣчалъ, что отвѣтственность за политику несетъ только кабинетъ, но отнюдь не старѣйшины, и что ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ цѣлью войны отвлеченіе вниманія народа отъ вопросовъ внутренней политики.

Въ концѣ концовъ испрашиваемыя асигнованія были даны и сессія благополучно закрылась 10 сентября н. ст.

Мы не будемъ касаться въ настоящемъ очеркѣ развитія военныхъ дѣйствій между Японіей и Германіей на Дальнемъ

Востокѣ, т. к. предполагаемъ говорить объ этомъ въ другой разъ. Сегодня же мы коснемся японо-германскаго конфликта только постолько, посколько это представляется необходимымъ, чтобы слѣдить за наростаніемъ конфликта между правительствомъ графа Окума и Парламентомъ.

Мы помнимъ, что послѣ того, какъ кабинетъ графа Ямамото долженъ былъ пасть, благодаря вскрывшимся въ японскомъ флотѣ злоупотребленіямъ, составленіе новаго кабинета было поручено графу Окума, т. к. въ Японіи не было другого лица, который могъ бы сколько-нибудь успѣшно справиться съ трудностями создавшагося положенія.

Графъ Окума вторично принялъ на себя составленіе кабинета 16-го апрѣля 1914 года и долженъ былъ въ Нижней Палатѣ опираться на партійное меньшинство въ виду того, что располагавшая въ Палатѣ абсолютнымъ большинствомъ партія Сэйюкай и все время поддерживавшая кабинетъ только что провалившагося графа Ямамото заняла по отношенію къ новому кабинету непримиримую позицію. Поэтому еще въ апрѣлѣ 1914 года японское общество при всей своей симпатіи къ личности графа Окума сознавало всю трудность поставленной графу Окума задачи, т. к. ему приходилось опираться въ Нижней Палатѣ на три партіи меньшинства (Чусэйкай, Риккэнъ-Досикай и Кокуминто), которыя не только были малочисленнѣе (вмѣстѣ взятыя) партіи Сэйюкай, но и грозили ежеминутно перессориться между собой и даже распасться (*).

Съ другой стороны тогда же было ясно и то, что графу Окума придется, какъ и его предшественникамъ, столкнуться съ требованіями арміи и флота расширить вооруженія страны. А это дало бы партіи Сэйюкай прекрасный поводъ, чтобы попытаться опрокинуть кабинетъ Окума.

Окума прекрасно и самъ сознавалъ всю трудность положенія своего правительства и учитывалъ возможность неудачи, почему, принимая въ свои руки бразды правленія, спокойно ука-

(*) См. «Морск. Сборн.» за 1914 г. № 6. «Лѣтопись Востока» VIII. Министерскій кризисъ въ Японіи и второй кабинетъ графа Окума.

залъ японскому обществу, что онъ согласился принять на себя составленіе кабинета въ столь трудныя минуты, чтобы принести пользу своему народу, а не ради своего честолюбія, и что поэтому лично его мало трогаютъ политическія интриги и подкопы.

Грянула европейская война и волны ея докатились до далекой Японіи. Правительство графа Окума мужественно рѣшило выполнить свои союзныя обязательства по отношенію къ Англіи и объявило Германіи войну.

Въ чрезвычайной сессіи въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1914 года японское правительство отдавало народнымъ представителямъ отчетъ въ мотивахъ своего рѣшенія воевать съ Германіей.

Въ эти тревожные дни въ стѣнахъ японскаго Парламента снова выступили старыя, давно знакомыя тѣни партійной борьбы. Партія Сэйюкай, гордая своимъ абсолютнымъ большинствомъ, не могла въ эти дни выступить съ голосованіемъ противъ правительственныхъ законопроектовъ ассигнованій на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ съ военными дѣйствіями противъ Германіи. Но это не мѣшало ей напомнить графу Окума и его правительству, что съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій противъ Германіи кончатся и дни вынужденнаго единенія партіи съ правительствомъ, и что тогда партія Сэйюкай снова займетъ свое положеніе непримиримой оппозиціи къ кабинету Окума.

Депутатъ Томидзу, называвшій японское министерство иностранныхъ дѣлъ филіальнымъ отдѣленіемъ великобританскаго правительства, вполнѣ сознательно наносилъ оскорбленіе правительству графа Окума. Упреки кабинета въ томъ, что страна втянута въ войну только ради отвлеченія народнаго вниманія отъ внутреннихъ дѣлъ, было также подсказано не чувствомъ патріотическаго долга, но тѣмъ мелкимъ политическимъ интригантствомъ, которымъ такъ обогатилась за послѣдніе годы либеральная партія Сэйюкай, скомпрометтировавшая себя передъ обществомъ еще не позабытымъ морскимъ скандаломъ.

И графъ Окума былъ въ тысячу разъ правъ, отвѣчая своимъ врагамъ, что онъ не требуетъ отъ нихъ единодушія и предоставляетъ имъ всю свободу критики даже въ эти ми-

нуты, когда народъ призывается къ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ.

Теченіе чрезвычайной сессіи въ сентябрѣ должно было послужить графу Окума предупрежденіемъ, что онъ не можетъ разсчитывать на возможность плодотворно работать у кормила правленія при теперешнемъ составѣ Нижней Палаты, когда абсолютное большинство принадлежитъ партіи Сэйюкай.

3-го/16-го ноября 1914 года японскія войска вступили въ Циндао.

Приближалось время открытія 35-ой сессіи Перламента. Правительство и партіи готовились къ предстоящей борьбѣ.

Кабинетъ графа Окума изготовилъ бюджетъ въ суммѣ 556.396.000 енъ и представляетъ его Палатамъ, которыя открыли свои засѣданія 5-го декабря н. ст. Всѣмъ ясно, что ни графъ Окума, ни партія Сэйюкай не намѣрены идти на уступки другъ передъ другомъ. Дѣловые круги въ предвидѣніи неминуемаго столкновенія во главѣ съ извѣстнымъ финансистомъ барономъ Сибусава стремятся склонить обѣ стороны къ компромиссу, но эти попытки примиренія остаются безуспѣшными.

Партіи сами цереживаютъ внутренній кризисъ, въ нихъ нѣтъ увѣренности относительнаго завтрашняго, въ нихъ нѣтъ единства. Лидеръ партіи Кокуминто г-нъ Инукай въ пленарномъ засѣданіи партіи (4-го декабря) высказывается противъ сформированія двухъ корейскихъ дивизій, считая этотъ законопроектъ уже устарѣвшимъ. Самой настоятельной мѣрой въ настоящее время, по его мнѣнію, слѣдуетъ считать сокращеніе срока военной службы и увеличеніе числа резервистовъ. Ученики средней и высшей элементарной школъ должны получить основы военнаго воспитанія, чѣмъ можетъ быть вполнѣ компенсировано сокращеніе сроковъ военной службы. По мнѣнію г-на Инукай, послѣ окончанія европейской войны вниманіе европейскихъ державъ снова обратится на Дальній Востокъ, и потому Японія должна быть готова встрѣтить общее наступленіе Европы на Востокъ. Въ концѣ концовъ пленар-

ное засѣданіе партіи Кокуминто (націоналистовъ) принимаетъ рѣшительную резолюцію противъ сформированія двухъ дивизій.

Партія Сэйюкай готовится выступить главнымъ образомъ противъ внѣшней политики кабинета. Вопросъ о дивизіяхъ можетъ отступить на второй планъ въ виду того, что продолженіе теперешней внѣшней политики кабинета Окума грозитъ создать Японіи на будущее время массу хлопотъ и затрудненій.

При офиціальномъ открытіи сессіи Парламента, состоявшемся только 7 декабря, Императоромъ была прочтена тронная рѣчь, въ которой между прочимъ говорилось, что дружественныя отношенія съ союзными державами значительно окрѣпли, что союзъ съ Англіей и соглашеніе съ Россіей и Франціей получили полное подтвержденіе своей крѣпости въ настоящій кризисъ.

На слѣдующій день сессія приступаетъ къ занятіямъ и одинъ за другимъ слѣдуютъ запросы правительству. Партія Сэйюкай въ лицѣ одного изъ своихъ лидеровъ г-на Огава ставитъ вопросъ о политикѣ правительства относительно Китая и о томъ, будетъ ли возвращена Китаю бухта Кіао-чао. Партія Кокуминто присоединяется къ партіи Сэйюкай, чтобы отвергнуть всѣ правительственныя ассигнованія на увеличеніе арміи.

Партія Сэйюкай считаетъ, что она зашла уже слишкомъ далеко и не можетъ идти ни на какія уступки кабинету. Сессія приближается къ концу и столкновеніе кабинета съ Парламентомъ представляется неизбѣжнымъ.

25-го декабря послѣднее засѣданіе Палаты. Предсѣдатель бюджетной комиссіи г-нъ Оока выступаетъ съ заявленіемъ, что комиссія рѣшила отклонить всѣ законопроекты правительства. Инукай, лидеръ партіи Кокуминто, говоритъ противъ сформированія дивизій. Бюджетъ отклоняется и правительство объявляетъ роспускъ Палаты. Новые генеральные выборы назначаются на 25 марта 1915 года. Не остановившись передъ роспускомъ Парламента, графъ Окума рѣшилъ

довести свою борьбу съ партіей Сэйюкай до конца. Ея господствующее положеніе должно быть сломлено. Поддерживая кабинетъ графа Ямамото, партія Сэйюкай потеряла значительную долю общественнаго къ себѣ довѣрія, и это лишаетъ ее права играть роль диктатора въ Нижней Палатѣ. Графъ Окума учитываетъ, что золотые дни партіи Сэйюкай уже отходятъ въ прошлое, и намѣренъ нанести окончательный ударъ этой партіи. Съ этой цѣлью онъ поручаетъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ виконту Оура, который, благодаря своему рѣшительному характеру, является наиболѣе подходящимъ лицомъ для борьбы съ Сэйюкай. Немедленно по своемъ назначеніи (8 января) виконтъ Оура удаляетъ въ отставку двухъ губернаторовъ, принадлежащихъ къ партіи Сэйюкай, чѣмъ не только наноситъ существенный ущербъ вліянію партіи въ данныхъ провинціяхъ, но и охлаждающимъ образомъ дѣйствуетъ на прочихъ приверженцевъ партіи, занимающихъ административные посты.

Не прошло и года съ тѣхъ поръ, какъ графъ Окума былъ призванъ на постъ премьера, а отношеніе къ его кабинету со стороны извѣстной части японской печати уже радикально измѣнилось. Теперь уже прямо говорятъ, что цѣлью образованія кабинета графа Окума было сформированіе двухъ корейскихъ дивизій и разгромъ либеральной партіи Сэйюкай. Съ точки зрѣнія военныхъ круговъ кабинетъ графа Окума является всего только орудіемъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о дивизіяхъ. И если Окума не сможетъ положительнымъ образомъ разрѣшить этого вопроса, то эти же самые военные круги, нынѣ оказывающіе ему поддержку, приложатъ всѣ силы, чтобы провалить кабинетъ Окума. Съ другой стороны, какъ бы сильно ни чувствовалось отсутствіе дисциплины въ японскихъ политическихъ партіяхъ, графу Окума трудно разсчитывать на то, что его министру внутреннихъ дѣлъ при помощи давленія на провинціальную администрацію удастся провести генеральные выборы въ желательномъ кабинету направленіи. Да и самый роспускъ Парламента изъ-за

вопроса о дивизіяхъ долженъ только подорвать положеніе кабинета въ странѣ.

Конечно, за время, истекшее со времени вступленія Окума къ власти, его правительство имѣетъ за собой немало заслугъ передъ родиной, но въ то же время очень многое изъ обѣщаннаго имъ такъ и осталось невыполненнымъ.

Первѣйшей заслугой кабинета слѣдуетъ считать возстановленіе добраго имени японскаго флота, слава котораго была омрачена злоупотребленіями нѣсколькихъ высокопоставленныхъ чиновъ флота. Удачныя дѣйствія арміи и флота противъ Германіи также могутъ быть поставлены въ заслугу кабинету Окума, хотя она и является скорѣе только косвенной. Укрѣпленіе дружественныхъ отношеній съ союзными державами также является несомнѣнной заслугой графа. Но и только.

А между тѣмъ, вступая къ власти, графъ Окума провозгласилъ немало прекрасныхъ вещей. Онъ обѣщалъ уничтоженіе отрицательныхъ сторонъ провинціальной администраціи, онъ обѣщалъ уваженіе свободы слова, собраній и обществъ, укрѣпленіе финансовъ, развитіе промышленности, обновленіе внѣшней политики и т. д. Но изъ всѣхъ этихъ обѣщаній, по утвержденію части японской печати, ничто не выполнено графомъ. Новые генеральные выборы въ Парламентъ обѣщаютъ пройти подъ сильнымъ давленіемъ провинціальной администраціи. За печатью устанавливается строгій надзоръ. Финансы не только не укрѣплены, но въ связи съ военными дѣйствіями противъ Германіи и войной въ Европѣ нѣсколько ухудшились, т. ч. правительству пришлось даже выпустить на 80 милліоновъ билетовъ казначейства. Наконецъ, внѣшняя политика по отношенію къ Китаю носитъ слишкомъ неопредѣленный характеръ и обѣщаетъ создать въ будущемъ нежелательныя и опасныя осложненія.

Въ февральскомъ номерѣ японскаго политическаго журнала Тайо помѣщена интересная характеристика графа Окума, принадлежащая перу извѣстнаго японскаго публициста г-на Укита. За короткій промежутокъ девяти мѣсяцевъ, протекшихъ со времени образованія кабинета Окума, мнѣніе г-на

Укита относительно кабинета графа Окума настолько рѣзко измѣнилось, что мы позволимъ себѣ привести въ выдержкахъ наиболѣе характерныя мѣста статьи г-на Укита (*).

«Графъ Окума — говоритъ г-нъ Укита—принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ неудачниковъ. Несмотря на свои неудачи, графъ не потерялъ своей славы. Правда, иногда казалось, что слава эта меркнетъ, но она всегда затѣмъ снова вдругъ разгоралась съ еще большей силой. Нужно удивляться таланту графа справляться со своими крупнѣйшими неудачами.

«Половина политической жизни графа является сплошной неудачей. И все таки графъ сохраняетъ удивительную силу вліянія на общество.

«Въ политической жизни графа неудачи, одна крупнѣе другой, непрерывно слѣдовали одна за другой, но это не могло сломить жажды къ дѣятельности у графа. Вначалѣ графъ пытался выступить въ качествѣ политика созидателя, но у него не оказалось ни нужныхъ знаній, ни соотвѣтствующаго таланта. Не повезло ему и на дипломатическомъ поприщѣ, на которомъ графъ выказалъ полную свою неподготовленность и отсутствіе компетенціи. Роль конституціоналиста оказалась для графа не болѣе подходящей, такъ какъ и здѣсь у графа не оказалось необходимыхъ способностей. Въ роли лидера политической партіи графъ опять таки не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Однимъ словомъ, каждое крупное политическое начинаніе графа вело его къ такому краху, который одинъ могъ бы послужить смертнымъ приговоромъ для политической карьеры любого дѣятеля. Но графъ не умиралъ политически и снова выступалъ на арену политической борьбы, словно ища все новыхъ и новыхъ неудачъ.

«Графъ Итагаки, современникъ графа Окума, шелъ по одинаковому съ послѣднимъ пути. Но несмотря на то, что ошибки графа Итагаки не были столь крупны, какъ ошибки Окума, Итагаки не пережилъ своихъ ошибокъ. Его политическій конецъ наступилъ чрезвычайно быстро и съ нимъ перестали считаться, какъ съ политической величиной.

(*) Сравн.: «Морск. Сборн.» № 6. 1914. «Лѣтопись Востока VIII».

«Графъ Окума въ своихъ дѣйствіяхъ отличался прямолинейностью. Благодаря этому въ его ошибкахъ не было ничего сомнительнаго, почему вмѣстѣ съ обнаруженіемъ неудачи, послѣдняя, такъ сказать, тутъ же и предавалась забвенію. Конечно графъ несъ отвѣтственность за свои ошибки. Но за эти ошибки его не столько ненавидѣли, сколько ему сочувствовали. А чувствуя за собой общественное сочувствіе графу Окума было легче нести и отвѣтственность за ошибки свои. Онъ не терялъ своей самоувѣренности, и сегодня, на закатѣ жизни своей, бодро несетъ на плечахъ своихъ отвѣтственность на посту премьера.

«Великій неудачникъ ищетъ все новыхъ и новыхъ неудачъ, словно черпая въ нихъ новыя для себя силы къ дѣятельности. Сегодня онъ также не довольствуется своими прежними неудачами, и весьма вѣроятно, ему не избѣжать новой крупной неудачи.

«Но общество и народъ должны проявить всю разсудочную холодность къ этому стремленію графа къ дѣятельности. Графъ снова возвращается на путь ошибокъ. Но ошибки этого великаго неудачника всегда были слишкомъ крупными. Возможно ли и сегодня при сложившихся условіяхъ терпѣть ошибки замѣчательнаго неудачника? Можно ли и должно ли ради графскихъ неудачъ приносить въ жертву государственныя интересы? Какая можетъ быть польза отъ этого странѣ?

«Мы отказываемся вѣрить въ то, чтобы неудачная политическая дѣятельность графа могла сегодня быть на пользу нашему народу. Мы откровенно заявляемъ, что народъ дороже намъ, чѣмъ графъ Окума. Поэтому, *чѣмъ скорѣе политическая власть будетъ изъята изъ рукъ графа Окума, тѣмъ лучше*.

«Мы противъ дальнѣйшаго существованія кабинета графа Окума. Но въ тоже время мы отрицательно относимся и къ дѣятельности партій Сэйюкай, а о партіи Кокуминто и вовсе говорить не стоитъ.

«Партія Сэйюкай въ своей дѣятельности имѣетъ нѣкоторое сходство съ графомъ Окума. Партія Сэйюкай за свое суще-

ствованіе пережила не меньше неудачъ, чѣмъ графъ. Неудачи партіи даже были болѣе крупными, чѣмъ графа. Партія Сэйюкай была создана по мысли князя Ито, но съ теченіемъ времени она совершенно растеряла свои идеалы и нынѣ влачитъ безсмысленное существованіе. Партія давно гордится тѣмъ, что располагаетъ абсолютнымъ большинствомъ въ Нижней Палатѣ. Но, несмотря на это, она неспособна существовать самостоятельно. Партія уже потеряла лицо свое передъ народомъ, ей не вернуть свего блеска, и ее ожидаетъ неминуемое паденіе. Сегодня она уже приводитъ государственныя дѣла въ состояніе безпорядка и компрометируетъ здоровое развитіе конституціонныхъ началъ. Ея неудачи, какъ партіи, настолько велики, что она не имѣетъ въ этомъ отношеніи себѣ равныхъ въ Японіи, а можетъ быть и на всемъ свѣтѣ. Но несмотря на это, до настоящаго времени вліяніе партіи только увеличивалось. Въ этомъ отношеніи есть что-то схожее между судьбой партіи и графа Окума. Но коренное различіе между ними заключается въ томъ, что въ то время какъ графъ Окума всегда оставался прямолинейнымъ въ своей честности и когда всѣ его неудачи и промахи были открыты для взоровъ всѣхъ, въ это время партія Сэйюкай постоянно стремилась скрыть отъ постороннихъ взоровъ свои неудачи, прикрывая ихъ самооправдываніями и противорѣчіями.

«Благодаря преслѣдующимъ ихъ неудачамъ, какъ графъ, такъ и партія Сэйюкай одинаково могутъ поставить государство въ опасное положеніе, почему страна не должна связывать своей судьбы ни съ первымъ, ни съ послѣдней.

«Съ роспускомъ Парламента партія Сэйюкай еще быстрѣе покатится подъ уклонъ. Она стоитъ передъ неизбѣжнымъ увяданіемъ и на новыхъ генеральныхъ выборахъ вѣроятно потеряетъ свое абсолютное большинство. Не слѣдуетъ однако приписывать ослабленіе партіи Сэйюкай вліянію графа Окума, т. к. положеніе партіи было сильно подорвано еще во время кабинета графа Ямомото, благодаря случившемуся въ то время морскому скандалу. Но ослѣпленная своимъ господствующимъ положеніемъ въ Парламентѣ, партія Сэйюкай не могла по-

нять того, что въ случаѣ новыхъ выборовъ ей уже не удастся сохранить за собой первенствующаго положенія.

«Сдѣлавшись орудіемъ морского клана Сатсума, партія Сэйюкай обрекла себя на преждевременное увяданіе. Точно также и графъ Окума, ставъ орудіемъ военнаго клана Чосю, непоправимо компрометируетъ положеніе своего кабинета. Правительство графа Окума носитъ слишкомъ индивидуальный характеръ, и въ этомъ именно заключается его опасность для страны».

Г-нъ Укита слишкомъ нервно относится къ создавшемуся политическому кризису и благодаря этому, можетъ быть не вполнѣ правильно оцѣниваетъ переживаемый моментъ. По крайней мѣрѣ, поступающія съ различныхъ концовъ Японіи свѣдѣнія относительно обстановки, въ которой проходитъ предвыборная кампанія, не оправдываютъ мрачныхъ пророчествъ г-на Укита.

Правительство графа Окума, повидимому, твердо рѣшило устранить партійныя злоупотребленія на общихъ выборахъ и провести ихъ безъ своего на нихъ давленія. Власти уже заявили о своемъ намѣреніи строго придерживаться закона и въ политическомъ положеніи страны замѣчается нѣкоторое улучшеніе. Кампанія партіи Сэйюкай и Кокуминто, выступившихъ въ послѣдней сессіи противъ правительственныхъ законопроектовъ, во многихъ мѣстахъ оказалась неудачной и на предвыборныхъ собраніяхъ проходятъ кандидаты сторонниковъ правительственныхъ партій. Повидимому, кабинетъ и сегодня все еще пользуется популярностью въ странѣ, и число его приверженцевъ, какъ будто, становится многочисленнѣе его противниковъ. Всякія предсказанія относительно результатовъ выборовъ еще преждевременны, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестящая побѣда на выборахъ уже обезпечена правительству.

Напримѣръ, въ Токіо партія Сэйюкай смогла провести только одного своего кандидата, тогда какъ правительственныя партіи Досикай и Чусэйкай провели одна 6, другая 3 кан-

дидатовъ. Правда, партія Кокуминто, также перешедшая въ оппозицію къ правительству, располагаетъ 4 кандидатами, но положеніе этихъ послѣднихъ, какъ говорятъ, незавидное.

Еще безнадежнѣе положеніе оппозиціи въ Осака, гдѣ исчезли послѣдніе слѣды вліянія партіи Сэйюкай, не получившей здѣсь ни одного кандидата. Въ Кіото представитель партіи Сэйюкай потерпѣлъ страшное пораженіе отъ лидера партіи Досикай г-на Катаока. Въ Кобэ произошелъ форменный скандалъ для оппозиціи, т. к. мѣстные члены партіи Кокуминто въ полномъ составѣ перешли на сторону приверженцевъ графа Окума.

Особеннаго вниманія при такихъ условіяхъ заслуживаетъ контроль, осуществляемый правительствомъ во время выборовъ. Ради искорененія злоупотребленій, бывшихъ общимъ правиломъ на предшествовавшихъ выборахъ, правительство Окума рѣшило принять крутыя и нелицепріятныя мѣры, хотя эти послѣднія въ отдѣльныхъ случаяхъ пришлось обратить противъ сторонниковъ правительства, какъ это, напримѣръ, случилось въ Токіо, гдѣ подвергся карѣ одинъ изъ приверженцевъ правительства.

На конференціи губернаторовъ, созванной 22-го января н. ст. этого года, премьеръ заявилъ представителямъ провинціальной администраціи, что онъ ожидаетъ отъ послѣдней строго законнаго и безпартійнаго отношенія къ генеральнымъ выборамъ. И нужно надѣяться, что эта рѣшимость графа Окума не замедлитъ принести прекрасные плоды. Во всякомъ случаѣ, послѣднія извѣстія изъ Японіи принесли намъ сообщеніе, что на выборахъ въ Токіо, состоявшихся 12/25 марта, партія Сэйюкай потерпѣла рѣшительное пораженіе и прошли кандидаты правительственныхъ партій. Исходъ выборовъ въ Токіо долженъ повліять и на ходъ выборовъ въ провинціи, и теперь, несомнѣнно, у графа Окума гораздо больше шансовъ избѣжать той «неудачи», которую ему предрекалъ г-нъ Укита.

14-го марта 1915 г.

IV.

Къ вопросу о русско-японскомъ союзѣ.

Если въ послѣдніе годы японская печать неоднократно возбуждала вопросъ о своевременности заключенія русско-японскаго союза и если въ Японіи съ каждой поѣздкой японскихъ государственныхъ дѣятелей въ Россію связывали надежды на заключеніе такого союза, то въ настоящее время вопросъ о русско-японскомъ союзѣ сдѣлался, благодаря мiровой войнѣ, самымъ популярнымъ политическимъ вопросомъ въ Японіи.

Конечно, и сегодня въ Японіи можно найти лицъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ относящихся отрицательно къ идеѣ союза съ Россіей, но такихъ лицъ очень ограниченное число, и огромное большинство японскаго общества, какъ и правительство графа Окума, настроено чрезвычайно благожелательно къ Россіи. Великая война и проявившаяся въ связи съ ней солидарность Россіи и Японіи съ каждымъ днемъ увеличиваетъ число сторонниковъ русско-японскаго союза.

Къ сожалѣнію, условія военнаго времени не позволяютъ намъ остановиться на тѣхъ цѣнныхъ услугахъ, которыя оказываетъ намъ Японія въ настоящую войну, но примѣромъ того, что японцы въ выраженіи своихъ симпатій не ограничиваются одними словами, можетъ служить краснорѣчивый фактъ стремленія многихъ японцевъ вступить добровольцами въ ряды русскихъ войскъ, чтобы бокъ о бокъ съ русскими сражаться противъ германцевъ.

Оцѣнку оказанныхъ намъ Японіей въ настоящую войну услугъ, надѣемся, мы сможемъ дать послѣ окончанія войны. Сегодня же мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ нѣкоторыя данныя изъ японской печати, которыя позволятъ намъ составить болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о томъ, въ какія формы вылилась идея русско-японскаго союза въ японской печати.

Мысль о своевременности заключенія русско-японскаго союза проявляется въ Японіи съ новой силой вскорѣ послѣ начала европейской войны. Японское общество съ живымъ интересомъ слѣдитъ за ходомъ военныхъ дѣйствій на русскомъ фронтѣ и сочувствуетъ каждому нашему успѣху. Японское правительство, съ графомъ Окума во главѣ, открыто выражаетъ свое благожелательное отношеніе къ Россіи, что также немало способствуетъ росту симпатій къ Россіи въ японскомъ обществѣ.

Еще въ январѣ этого года японскій политическій журналъ «Taiyo» произвелъ анкету среди видныхъ политическихъ дѣятелей Японіи относительно вопроса о русско-японскомъ союзѣ. Анкета эта представляетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что она знакомитъ насъ со взглядами на русско-японскія отношенія такихъ выдающихся политическихъ дѣятелей, какими являются г-нъ Инукай, лидеръ партіи Кокуминто и г-нъ Симада, одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа Окума.

Обращаясь къ непосредственному ознакомленію съ высказанными на страницахъ «Taiyo» взглядами, мы будемъ помнить, что редакція журнала «Taiyo» совершенно свободна отъ отвѣтственности за эти взгляды, т. к. она предоставила полную свободу слова лицамъ, согласившимся высказать свои мнѣнія относительно русско-японскаго союза.

Относительно желательности заключенія русско-японскаго союза при условіи сохраненія въ силѣ англо-японскаго союза высказался г-нъ Накакодзи. Послѣдній указываетъ на ошибочность общераспространеннаго мнѣнія, будто раны, которыя получатъ въ настоящую войну великія европейскія державы, долго не смогутъ быть залѣчены, и что поэтому въ промежутокъ ближайшихъ 20—30 лѣтъ нельзя ожидать энергичной со стороны этихъ державъ дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ. Исторія, по мнѣнію Накакодзи, показываетъ, что послѣ войны государственные организмы чрезвычайно быстро возстанавливаютъ свои экономическія и военныя силы и даже достигаютъ послѣ войны небывалыхъ въ этомъ отношеніи успѣховъ. Японія понесла во время русско-японской войны чрезвычайно тяжкія раны, но несмотря на то, что раны эти были несравненно

тяжелѣе понесенныхъ Японіей во время японо-китайской войны, возстановленіе японскихъ силъ послѣ войны съ Россіей совершалось болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ послѣ войны съ Китаемъ. Въ 1908 году Австрія воспользовалась тѣмъ, что Россія еще не оправилась послѣ русско-японской войны, и нанесла чувствительный ударъ русскому достоинству, присоединивъ Боснію и Герцеговину. Тогдашнее австрійское правительство было увѣрено, что Россія еще долго не сможетъ возстановить свои силы послѣ неудачной войны съ Японіей. Но Россія использовала опытъ войны, проведя внутреннія, военныя и другія реформы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Россія возстановила такимъ образомъ правильное теченіе внутренней жизни, оздоровила свои финансы и достигла чрезвычайнаго развитія своихъ общихъ экономическихъ рессурсовъ. Только Австрія не видѣла этихъ молодыхъ побѣговъ русскаго возрожденія, и теперь ей суждено дорого поплатиться за свою невнимательность къ происходившимъ въ Россіи перемѣнамъ. Послѣ франко-прусской войны Пруссія, несмотря на побѣду, сильно потрясла свою военную мощь и экономическія силы, что не помѣшало ей быстро возстановить ихъ послѣ войны. То же нужно сказать и о побѣжденной Франціи, которая словно ни въ чемъ не бывало быстро вернулась къ прежнему благосостоянію.

Таковы, по мнѣнію Накакодзи, общеизвѣстные факты, и ходъ событій послѣ нынѣшней войны, какъ можно предугадать, будетъ аналогиченъ этимъ примѣрамъ. Только слѣпцы могутъ предполагать, что европейскія державы послѣ войны будутъ пренебрегать дальне-восточными дѣлами. Убаюкивать себя подобными заблужденіями значило бы впослѣдствіи дорого заплатить за нихъ.

Накакодзи говоритъ, что соперничество между двумя европейскими державами проявляется либо въ прямомъ столкновеніи между этими державами, либо въ косвенной борьбѣ между ними. Если одна изъ двухъ державъ, интересы которыхъ сталкивались, была значительно сильнѣе другой, тогда обыкновенно болѣе сильная держава военными дѣйствіями заставляла слабѣйшую подчиниться своей волѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ,

когда силы соперничающихъ державъ были болѣе или менѣе равны, такія державы не вступали въ вооруженное столкновеніе между собой, но до поры до времени осуществляли свое соперничество гдѣ нибудь на чужой территоріи. Тевтоны и славяне, напримѣръ, соперничали между собой и до настоящей войны, но силы ихъ были приблизительно равны и ни одна изъ соперничающихъ сторонъ не могла легко обнаружить своего превосходства. Въ виду этого германцы и славяне избрали Балканскій полуостровъ полемъ своей борьбы, и въ теченіе долгихъ лѣтъ Балканы оставались ареной столкновенія двухъ вліяній, сослуживъ въ концѣ концовъ роль той пороховой бочки, которой суждено было подорвать миръ всей Европы.

Сегодня, говоритъ Накакодзи, трудно предвидѣть, какъ кончится великая европейская война. Но по убѣжденію Накакодзи, если даже Германія и будетъ разбита, союзники въ глубинѣ души не смогутъ не восхищаться проявленной германскимъ народомъ силой. И кто бы ни оказался побѣдителемъ въ этой войнѣ, побѣдитель и побѣжденный по окончаніи войны пожмутъ другъ другу руки и проникнутся взаимнымъ уваженіемъ. И возможно, что сегодняшніе враги станутъ послѣ войны лучшими друзьями, нежели они когда либо были до войны. Психологія массъ въ этомъ отношеніи имѣетъ много общаго съ индивидуальной психологіей, и японцы не должны упускать изъ виду этого обстоятельства. Послѣ окончанія войны европейскія великія державы будутъ искать новаго мѣста приложенія своихъ, можетъ быть, еще большихъ силъ, и, нужно думать, онѣ перенесутъ свои вожделѣнія съ Балканскаго полуострова на болѣе широкую арену Персіи Индіи или Китая. Японія же должна быть готовой встрѣтить новыя условія политической международной жизни на Дальнемъ Востокѣ уже въ ближайшее послѣ войны время.

Нынѣ занимаемое въ европейскомъ кризисѣ положеніе Японіи не позволяетъ намъ, говоритъ Накакодзи, относиться къ будущему съ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ, и намъ необходимо возможно скорѣе окончательно опредѣлить направленіе японской внѣшней политики. На азіатскомъ материкѣ Россія является непосредственнымъ сосѣдомъ Японіи, уже это одно

требуетъ, чтобы правительства обѣихъ странъ прилагали дружественныя усилія къ охраненію мира на Дальнемъ Востокѣ. И должно радоваться, что съ каждымъ днемъ русско-японскія отношенія все болѣе и болѣе улучшаются и что правительства обѣихъ странъ работаютъ рука объ руку въ борьбѣ противъ германства независимо отъ той формы, въ которую вылились русско-японскія взаимоотношенія (т. е. независимо отъ того, что между Россіей и Японіей не существуетъ союза, а только соглашеніе по отдѣльнымъ вопросамъ). Но при условіи дружественныхъ отношеній между обѣими странами, необходимо точно знать, до какихъ предѣловъ должно простираться обоюдное сотрудничество обоихъ правительствъ. И это одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ настоящаго времени.

Дружественныя отношенія народовъ покоятся на взаимномъ уваженіи А послѣднее есть ничто иное, какъ сознаніе силы другъ въ другѣ. Вообще можно признать за общее правило, что въ международныхъ отношеніяхъ не ищутъ дружбы съ безсильными. И если на сушѣ могущественнымъ сосѣдомъ Японіи является Россія, то для осуществленія японской политики на Дальнемъ Востокѣ не менѣе необходимо сохраненіе англо-японскаго союза на морѣ. И это не потому только, что Японія нуждается въ чужой помощи, но и потому, что помощь Японіи можетъ пригодиться другимъ.

Наиболѣе правильной внѣшней политикой для Японіи должна быть та, согласно которой на сушѣ будутъ поддерживаться дружественныя отношенія съ Россіей, а на морѣ—съ Англіей. Опираясь на реальную силу этихъ отношеній, Японія будетъ въ состояніи служить дѣлу мира на Дальнемъ Востокѣ, охраняя принципъ неприкосновенности Китая. И это направленіе японской внѣшней политики необходимо не только ради сохраненія цѣлости Китая, но и ради будущихъ судебъ самой Японіи.

Таковы въ общихъ чертахъ высказанныя г-омъ Накакодзи мысли относительно русско-японскихъ отношеній. Характернымъ для него является то, что онъ считаетъ необходимымъ возможно скорѣе выяснить направленіе внѣшней политики Японіи. Другими словами, Накакодзи хотѣлъ бы по возмож-

ности скорѣе оформитьру сско-японскія отношенія, дабы были ясно опредѣлены тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ Японія и Россія должны другъ друга поддерживать.

Нѣсколько иначе смотритъ на эту сторону вопроса г-нъ Соеда, который противъ того, чтобы буквѣ договоровъ приписывали преувеличенное значеніе. Удѣльный вѣсъ всякаго союза не въ мертвой буквѣ, но въ реальныхъ взаимоотношеніяхъ. Современныя союзы и соглашенія нерѣдко превращаются въ мертвую букву именно потому, что не имѣютъ подъ собой достаточно твердой почвы въ видѣ реальныхъ взаимныхъ интересовъ. По этой именно причинѣ одинъ изъ членовъ Тройственнаго союза—Италія, несмотря на свои союзническія обязательства, осталась въ сторонѣ отъ настоящей войны, причемъ Италія объясняетъ свое уклоненіе отъ исполненія лежащихъ на ней обязательствъ тѣмъ, что духъ союзнаго договора освобождалъ ее отъ обязанности принять участіе въ войнѣ. А разъ державы остаются или выходятъ изъ союза въ зависимости отъ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ или выгодъ, то и значеніе союзовъ и соглашеній зависитъ именно отъ этихъ интересовъ и само по себѣ не должно быть преувеличиваемо.

Съ другой стороны ясно, что Россія могла собрать всѣ свои военныя силы на австро-германскомъ фронтѣ только потому, что она могла безъ опаски смотрѣть на занятое Японіей положеніе на Дальнемъ Востокѣ. Конечно, правительство и общество Россіи надѣятся на помощь Японіи, чѣмъ и объясняется то, что въ Россіи отношенія съ Японіей стали цѣнить и начали даже говорить о русско-японскомъ союзѣ.

Теперь возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли при настоящихъ условіяхъ заключить русско-японскій союзъ. Если отношенія Японіи и Россіи къ Германіи останутся безъ измѣненія, тогда у обѣихъ странъ останутся и общіе интересы (т. е. бороться противъ Германіи). Другими словами, Россія и Японія по самому существу вещей должны будутъ дѣйствовать, взаимно поддерживая другъ друга даже и въ томъ случаѣ, если между ними не будетъ заключено формальнаго союза.

Съ другой стороны, при заключенiи союзовъ необходимо соблюденiе чрезвычайной осторожности, въ особенности же важно предварительно выяснить взаимоотношенiя всѣхъ великихъ европейскихъ державъ послѣ этой войны. Сегодня еще нельзя предсказать, какъ сложатся международныя отношенiя европейскихъ державъ послѣ войны, поэтому совершенно нѣтъ никакой необходимости сегодня же спѣшить съ заключенiемъ русско-японскаго союза. Гдѣ и какъ проявится столкновенiе новыхъ интересовъ различныхъ державъ? Насколько дружественнымъ будетъ отношенiе великихъ державъ къ Японiи во время предстоящей мирной конференцiи? Вотъ вопросы, которые должны быть вполнѣ выяснены, и только послѣ этого можетъ быть принято то или иное рѣшенiе. И это будетъ совсѣмъ не поздно. Не слѣдуетъ запугивать японское общество тѣмъ, что если сегодня не поспѣшить съ заключенiемъ союза, то завтра для этого уже не представится благопрiятнаго случая. Союзъ, который можетъ быть заключенъ только при условiи спѣшки, по мнѣнiю Соеда, можетъ имѣть для Японiи только весьма сомнительную цѣнность.

Вспомнимъ, что лѣтомъ 1912 года ходили упорные слухи о томъ, что между Англiей и Францiей заключенъ союзъ. Но тогда среди французовъ преобладало мнѣнiе, что съ союзомъ этимъ спѣшить не слѣдуетъ. Однако, это нисколько не помѣшало французскому правительству перевести всѣ французскiя морскiя силы изъ Атлантическаго океана въ Средиземное море, въ то время какъ Англiя съ своей стороны отправила свои военныя суда изъ Средиземнаго въ Сѣверное. Въ данномъ случаѣ мы видимъ, что отсутствiе писаннаго формальнаго союзнаго договора не помѣшало французскому и англiйскому правительствамъ вполнѣ понять другъ друга и согласовать свои дѣйствiя, чѣмъ былъ даже данъ поводъ предположенiямъ о молчаливомъ соглашенiи между Англiей и Францiей. Въ результатѣ же обѣ страны и въ настоящую войну выступили противъ Германiи съ совершенной солидарностью. Приведенные нами примѣры ясно показываютъ, что значенiе союзныхъ отношенiй зависитъ не отъ формальной ихъ стороны, но отъ тѣхъ реальныхъ взаимныхъ интересовъ, на которыхъ они должны быть построяемы.

Такимъ образомъ, Соеда совершенно не берется предопредѣлить будетъ ли вообще необходимость въ русско-японскомъ союзѣ и во всякомъ случаѣ считаетъ заключенiе таковаго преждевременнымъ до тѣхъ поръ, пока съ окончанiемъ войны не выяснятся взаимоотношенiя европейскихъ державъ.

Лидеръ партiи Кокуминто — г-нъ Инукай разсматриваетъ русско-японскiя отношенiя съ точки зрѣнiя китайскаго вопроса. Онъ съ удовольствiемъ отмѣчаетъ постепенное улучшенiе русско-японскихъ отношенiй со времени войны 1904—05 гг., и полное отсутствiе какихъ бы то ни было причинъ для возникновенiя столкновенiй между обѣими странами. Настоящая же война чрезвычайно способствовала развитiю дружественныхъ отношенiй между Россiей и Японiей, создавъ условiя для совмѣстнаго выступленiя обѣихъ державъ противъ ихъ общаго врага — Германiи. Настоящая война не только объединила интересы обѣихъ сосѣднихъ державъ, но и заставила совершенно забыть острую вражду, бывшую между ними десять лѣтъ тому назадъ, что имѣетъ особенно важное значенiе для сохраненiя мира на Дальнемъ Востокѣ.

Главной причиной, говоритъ Инукай, по которой желательны дружественныя отношенiя между Россiей и Японiей, является сохраненiе территорiальной неприкосновенности Китая. Именно этотъ принципъ и долженъ былъ, по мнѣнiю Инукая, лечь въ основанiе русско-японской дружбы. Въ послѣднее время внѣшнiя отношенiя Китая стали до чрезвычайности сложными, и въ нихъ замѣшаны интересы такихъ великихъ державъ, какъ Японiя, Англiя, Россiя, Францiя и Германiя. Но уже теперь можно предсказать, что результатомъ настоящей войны будетъ полное уничтоженiе германскаго влiянiя на Дальнемъ Востокѣ. Поэтому послѣ войны интересы Германiи въ Китаѣ могутъ вовсе не приниматься во вниманiе. Японiя, Англiя и Америка обладаютъ въ Китаѣ не только политическими, но и экономическими интересами. Наиболѣе важными политическими интересами въ Китаѣ обладаютъ Россiя, Японiя и Англiя. Эти три державы болѣе всѣхъ другихъ заинтересованы въ сохраненiи территорiальной неприкосновенности Китая и, совмѣстно работая въ этомъ направленiи, стремятся распространить въ Китаѣ современную цивилизацiю.

Если смотрѣть на Россію съ китайской точки зрѣнія, то должно признать, что китайцы относятся къ политикѣ русскихъ съ большой дозой подозрительности, что объясняется тѣмъ, что въ теченіе долгихъ лѣтъ Китай долженъ былъ терпѣть различныя притѣсненія со стороны Россіи. Но разъ Россія откажется отъ своей аггрессивной политики по отношенію къ Китаю, то этого будетъ достаточно, чтобы разсѣялись и вызванныя этой политикой въ Китаѣ чувства недовѣрія. Цѣлью японской политики именно и является установленіе дружественныхъ отношеній между Россіей и Китаемъ. Но для этого прежде всего должны быть хорошими русско-японскія отношенія. Къ счастью, въ настоящее время эти взаимоотношенія очень улучшились. И, нужно надѣяться, что послѣ того, какъ Китай почувствуетъ свою безопасность съ Сѣвера, это будетъ крупнымъ политическимъ успѣхомъ для политически заинтересованныхъ въ Китаѣ державъ.

Въ то время, какъ русскія отношенія къ Китаю съ самаго начала носили исключительно политическій характеръ, русско-японскія отношенія были не только весьма сложнаго политическаго характера, но и обѣщаютъ въ будущемъ и большое экономическое развитіе. Причиной этому должны быть быстрые успѣхи Японіи на пути промышленнаго развитія. Но огромное большинство матеріаловъ, необходимыхъ для промышленнаго производства, находится на азіатскомъ материкѣ, гдѣ въ распоряженіи Россіи имѣются неисчерпаемые источники земледѣльческихъ продуктовъ и всевозможнаго сырья. Это обстоятельство должно не только служить къ выгодѣ обѣихъ странъ, такъ какъ Россія, посылая въ Японію свое сырье, будетъ получать отъ послѣдней ея фабрикаты, но и является естественнымъ основаніемъ для установленія добрососѣдскихъ отношеній между обѣими сосѣдними странами. Такимъ образомъ, между промышленной Японіей и земледѣльческой Россіей должны завязаться тѣсныя экономическія отношенія, которыя и послужатъ къ улучшенію русско-японскихъ политическихъ отношеній.

Если смотрѣть съ точки зрѣнія расы, обычаевъ и привычекъ, то между народами Запада и Востока существуетъ

огромная разница. Но русскіе сами являются наполовину азіатами и русскій народъ обладаетъ поэтому наполовину азіатскими обычаями и привычками. Къ тому же Россія приняла въ свое лоно много чисто азіатскихъ народностей. Все это чрезвычайно облегчаетъ для русскихъ общеніе съ японцами и позволяетъ надѣяться, что общеніе это будетъ чрезвычайно плодотворнымъ. Настоящая война является прекраснымъ случаемъ, чтобы вовсе изгладить изъ памяти воспоминанія о былыхъ враждебныхъ отношеніяхъ и установить между обѣими сосѣдними странами новыя отношенія дружбы. Но для этого нужно прежде всего взаимно изучать другъ друга и вмѣстѣ трудиться.

Г-нъ Симада считаетъ русско-японскую войну явленіемъ неестественнымъ, корень котораго онъ видитъ въ томъ, что Японія на чужбинѣ заимствовала ложныя представленія о Россіи. Русско-японская война была вредна не только для Россіи, но и для Японіи. Благодаря этой войнѣ вліяніе Россіи въ Европѣ было чрезвычайно ослаблено, и ея достоинство было попрано Германіей. Съ тѣхъ поръ въ Россіи произошли огромныя перемѣны. Внутреннее управленіе страной коренньмъ образомъ реформировано, военная сила вполнѣ возстановлена. И нынѣ война даетъ Россіи возможность показать всѣмъ происшедшія въ ней большія перемѣны, которыя ожидали только соотвѣтствующаго случая для своего проявленія.

Въ каждой странѣ общественное мнѣніе дѣлится на различныя направленія. То же слѣдуетъ сказать и относительно Россіи, гдѣ одна часть общественнаго мнѣнія придерживается взгляда необходимости поддерживать мирныя и дружественныя отношенія съ Японіей, но другая часть общественнаго мнѣнія, помня русско-японскую войну, лелѣетъ чувства мести и стоитъ за то, чтобы при удобномъ случаѣ нанести Японіи ударъ. Разсужденія лицъ, принадлежащихъ къ послѣдней категоріи, часто появлялись на страницахъ печати и не могли не дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на чувства японцевъ, оказывая вредное вліяніе на развитіе русско-японскихъ отношеній. Но естественныя условія сами направляли политику обѣихъ странъ къ взаимному сотрудничеству. Предложеніе

С. Штатовъ въ 1909 году нейтрализовать манчжурскія желѣзныя дороги объединило Россію и Японію противъ американскаго выступленія и послужило краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что интересы Россіи и Японіи въ нѣкоторыхъ вопросахъ вполнѣ совпадаютъ. Тѣмъ не менѣе обѣ страны еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могли забыть войны и относились другъ къ другу не безъ нѣкотораго недовѣрія. Но вотъ возникла великая европейская война. Сначала въ Россіи до извѣстной степени сомнѣвались относительно того положенія, которое займетъ Японія въ настоящемъ кризисѣ, т. к. нѣкоторыя лица предполагали, что Японія воспользуется удобнымъ случаемъ, чтобы стать на сторону Германіи и напасть на восточныя границы Россіи. Но ничего подобнаго не случилось и, наоборотъ, Японія рѣшительно выступила противъ Германіи, чѣмъ принесла Россіи неоцѣнимую помощь, такъ какъ Россія смогла теперь безъ опасеній перебросить свои военныя силы съ Дальняго Востока на боевой австро-германскій фронтъ. Въ виду того, что переброска русскихъ войскъ на Западъ стала возможной только благодаря исключительно благожелательному отношенію къ Россіи со стороны Японіи, русское общество вмѣстѣ съ русскимъ правительствомъ чувствуетъ глубокую признательность за это къ Японіи. Кромѣ того враждебныя чувства, выросшія благодаря русско-японской войнѣ, теперь совершенно исчезли, и ихъ мѣсто заступили вновь народившіяся чувства взаимности и дружелюбія. Симада считаетъ это обстоятельство большимъ счастьемъ для обѣихъ странъ и высказываетъ свою глубокую радость, видя осуществленіе русско-японскаго сближенія, о которомъ онъ мечталъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Съ самаго начала для столкновенія между Россіей и Японіей не было серьезныхъ причинъ и несчастная русско-японская война была слѣдствіемъ заблужденій обоихъ народовъ, къ которымъ эти народы привыкали въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Если искать причины этихъ заблужденій, то наиболѣе замѣчательными среди нихъ окажутся историческія традиціи и вліяніе англійской и китайской литературы.

Ко времени конца правленія сегуновъ (конецъ дореформенной Японіи 1868 г.) противуиностранное движеніе въ Японіи

особенно сильно выражено было именно противъ Россіи. Раньше чѣмъ Англія и Америка вступили съ Японіей въ торговыя сношенія, Россія уже мечтала о томъ, чтобы вывести Японію изъ сна закрытой страны. Своимъ нападеніемъ на сѣверныя области Японіи, Россія впервые заставила японское правительство подумать о принятіи оборонительныхъ мѣръ къ защитѣ своей территоріи. Такимъ образомъ, не Англія, не Франція и не Америка, но Россія вызвала въ Японіи горечь перваго столкновенія съ Западомъ. И, если японскому народу внушали чувства опасенія къ иностранцамъ, то это относилось не столько къ Англіи или Америкѣ, сколько именно къ Россіи. Такимъ образомъ съ именемъ Россіи въ представленіи японскаго народа съ самаго начала новой японской эры было связано ненормальное враждебное отношеніе.

Китайская литература, относившаяся враждебно къ иностранцамъ, особенную непріязненность проповѣдывала относительно Россіи. Въ древней исторіи Китая не осталось слѣдовъ отъ нападеній на страну съ Юга, за то красной нитью въ исторіи литературы проходитъ непріязненное отношеніе къ «сѣвернымъ варварамъ» и вообще иностранцамъ. Японская литература многое заимствовала изъ китайской, въ особенности въ періодъ правленія сегуновъ изъ дома Токугава (1542—1868), когда при внѣшнихъ отношеніяхъ съ Китаемъ и Кореей языкомъ международныхъ отношеній служилъ китайскій языкъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что въ мозгу японскихъ дипломатовъ укрѣпились чувства опасенія передъ сѣверными варварами, отъ которыхъ Китай страдалъ въ теченіи 3000 лѣтъ. При этомъ среди всѣхъ державъ самой нелюбимой оказывалась именно Россія.

Распространеніе въ Японіи англійской литературы также имѣло вліяніе на распространеніе въ японскомъ обществѣ неправильныхъ понятій о Россіи. Первымъ изъ европейскихъ языковъ, получившихъ въ Японіи распространеніе былъ голландскій языкъ, который вскорѣ уступилъ мѣсто англійскому языку, получившему повсемѣстное въ Японіи распространеніе. Книги, трактующія о заморскихъ странахъ, были въ Японіи сплошь на англійскомъ языкѣ. Время крымской войны

совпало съ временемъ пріѣзда въ Японію американскаго посольства. Слѣдовательно, какъ разъ въ этотъ періодъ вся Европа смотрѣла на Россію, какъ на своего врага, и вмѣстѣ съ открытіемъ японскихъ портовъ для иностранной торговли въ Японію проникли и враждебныя идеи Европы къ Россіи, къ воспріятію которыхъ почва въ японскомъ мозгу была подготовлена уже китайской литературой.

Съ тѣхъ поръ всѣ извѣстія объ европейскихъ дѣлахъ приходили въ Японію за рѣдкимъ исключеніемъ на англійскомъ языкѣ, чѣмъ и объясняется, что непріязненныя отношенія японцевъ къ Россіи росли съ каждымъ годомъ. И если можно сказать, что благодаря китайской литературѣ въ Японіи было распространено враждебное отношеніе вообще ко всѣмъ иностранцамъ, то, благодаря англійской литературѣ, враждебность эта была главнымъ образомъ направлена противъ Россіи. Послѣ же того, какъ вражда эта прочно вросла въ сознаніе японскаго народа, война между Россіей и Японіей стала неизбѣжной. Японія, къ счастью, вышла побѣдительницей изъ этой войны, но въ виду чрезвычайной военной мощи Россіи японцы не могли относиться къ ней и послѣ войны безъ чувства опаски. Съ другой же стороны и въ Россіи мысль о реваншѣ получала распространеніе среди извѣстной части русскаго общества. Такъ создавалась чрезвычайно вредная какъ для Россіи, такъ и для Японіи атмосфера недовѣрія.

По мнѣнію Симады, при естественныхъ условіяхъ поводовъ для столкновенія между Россіей и Японіей совершенно не должно было существовать. Въ настоящій вѣкъ международныя отношенія всецѣло покоятся на экономическихъ отношеніяхъ. Соперничество интересовъ является самой главной причиной, ведущей страны къ ожесточенной борьбѣ между собой. Промышленныя страны вступаютъ въ военную борьбу именно изъ-за своихъ промышленныхъ интересовъ, ради обезпеченія своимъ фабрикатамъ рынковъ сбыта. Поэтому не удивительно если въ одинъ прекрасный день между такими странами и произойдетъ война. Но совершенно иначе складываются отношенія между двумя странами, одна изъ которыхъ — промышленная, а другая — земледѣльческая. Здѣсь уже не можетъ

быть рѣчи о столкновеніи интересовъ, почему неестественны были бы и столкновенія между ними международнаго характера.

Что касается Россіи, то страна эта и по сегодняшній день остается страной по преимуществу земледѣльческой. Поэтому Россія въ продолженіе еще долгаго времени не будетъ имѣть поводовъ къ соперничеству съ промышленной Японіей и можетъ обойтись безъ хорошихъ гаваней на Дальнемъ Востокѣ. То же обстоятельство, что Россія искала таковыхъ до русско-японской войны, объясняется тѣмъ, что Германія воспрепятствовала русскому расширенію на Балканскомъ полуостровѣ, и Россіи волей неволей пришлось обратиться въ поискахъ гавани на Дальній Востокъ. При этомъ Германія разсчитывала, что она сможетъ долгое время господствовать на Ближнемъ Востокѣ, если главное вниманіе Россіи будетъ отвлечено на Дальній Востокъ. Провозглашая «желтую опасность», Германія именно и хотѣла отвлечь сюда вниманіе Россіи и этимъ до извѣстной степени способствовала возникновенію неестественной русско-японской войны.

Однако и въ періодъ конца правленія сегуновъ рода Токугава въ Японіи были лица, доброжелательно относившіяся къ Россіи и считавшія возможнымъ мирное сотрудничество съ русскими въ виду обладанія послѣдними чертами благородства. Но послѣ реставраціи императорской власти въ 1868 году симпатизирующіе Россіи голоса совсѣмъ утихли въ Японіи, и только послѣ японско-китайской войны среди нѣкоторыхъ лицъ появилась мысль о желательности русско-японской дружбы. Еще передъ самымъ заключеніемъ англо-японскаго союза вопросъ о русско-японскомъ сотрудничествѣ былъ реальнымъ вопросомъ японской внѣшней политики, и наиболѣе яркимъ представителемъ этого направленія японской политической мысли былъ, несомнѣнно, покойный князь Ито.

Теперешняя война совершенно смела послѣднія остатки непріязненныхъ чувствъ между русскими и японцами. Уже много говорятъ о предстоящемъ русско-японскомъ союзѣ, но въ виду того, что вопросъ этотъ лежитъ уже въ плоскости реальной политики, его слѣдуетъ подвергнуть всестороннему

изслѣдованію, раньше чѣмъ высказаться относительно него. Дѣло въ томъ, что между цѣлями союза и соглашенія существуетъ большая разница. Соглашеніе опредѣляетъ всего только границы вліянія соглашающихся государствъ, которыя и отказываются отъ конкуррированія въ этихъ границахъ. Союзъ же опредѣляетъ, что въ случаѣ, если третья страна начнетъ конкуррировать, тогда обѣ договаривающіяся державы должны совмѣстно выступить противъ «той третьей» державы.

Если Японія сегодня заключитъ союзъ съ Россіей, то само собой разумѣется возникнетъ вопросъ, противъ кого же собственно направленъ этотъ союзъ? Въ Европѣ Тройственный союзъ былъ направленъ противъ Россіи и Франціи.

Сегодня для борьбы съ Германіей Японіи не было необходимости заключать союза съ Россіей. Поэтому сейчасъ нѣтъ и необходимости спѣшить съ заключеніемъ русско-японскаго союза тѣмъ болѣе, что такая поспѣшность могла бы вызвать чувства безпокойства у дружественной Японіи державы (г-нъ Симада подразумѣваетъ здѣсь очевидно Англію).

Интересно для насъ и мнѣніе японскаго генерала, высказавшагося на страницахъ «Taiyo», но не пожелавшаго назвать своего имени. По мнѣнію этого генерала японо-китайская война была необходима въ цѣляхъ самозащиты Японіи. Государственные дѣятели Японіи, предпринимая войну противъ Китая, все время помнили, что впослѣдствіи Японіи необходимо установить съ Китаемъ дружественныя отношенія. Главной цѣлью Японіи было показать Китаю свою военную мощь. До тѣхъ поръ Китай смотрѣлъ на Японію съ нескрываемымъ презрѣніемъ, считая ее по слабости своей стоящей наравнѣ съ Кореей. Поэтому не могло быть рѣчи о развитіи дружественныхъ японо-китайскихъ отношеній до тѣхъ поръ, пока Китай, получивъ чувствительный ударъ не научился уважать военную силу Японіи и сознавать, что для сохраненія неприкосновенности своей территоріи ему необходимо поддерживать дружественныя отношенія съ Японіей. Послѣ же того, какъ произошла русско-японская война, Китай еще больше убѣдился въ военной мощи Японіи, проникся къ ней еще большимъ уваженіемъ и началъ заимствовать японскую куль-

туру, стремясь установить болѣе тѣсныя отношенія съ японскимъ народомъ.

Русско-японскія отношенія до извѣстной степени протекали аналогичнымъ образомъ. Японцы съ самаго начала сознавали, что отношенія съ Россіей должны быть дружественными, такъ какъ сотрудничество Россіи было необходимо для сохраненія нераздѣльности и свободы Китая и для поддержанія мира на Дальнемъ Востокѣ. Но Россія не хотѣла считаться съ реальной силой Японіи, и нѣкоторые изъ русскихъ выступили на Дальнемъ Востокѣ съ аггрессивными предпріятіями, ставившими подъ угрозу самое существованіе Японіи. Японіи не оставалось ничего другого, какъ взяться за оружіе. Въ Японіи довольно рано поняли необходимость нанести Россіи чувствительный ударъ, чтобы заставить послѣднюю признать военную силу Японіи и этимъ обезопасить положеніе Японіи. Мысль, что такой ударъ можетъ оказаться полезнымъ не только для Японіи, но для самой Россіи возникла въ нѣкоторыхъ кругахъ уже въ 1898 г. (годъ занятія Россіей Портъ-Артура). Послѣ боксерскаго возстанія въ Китаѣ (1900 г.) русско-японскія отношенія принимали все болѣе усложненный характеръ и, наконецъ, привели къ вооруженному столкновенію.

Послѣ войны 1904—5 года Россія признала военную силу Японіи и стала относиться къ послѣдней съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, видя въ послѣдней наиболѣе грознаго врага и наиболѣе желательнаго друга. Такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ все болѣе созрѣвала японская мечта о русско-японскомъ сотрудничествѣ. Нынѣ возникновеніе міровой войны и совмѣстное выступленіе Россіи и Японіи противъ Германіи показали Россіи искренность японскихъ намѣреній и готовность Японіи оказать помощь Россіи. Видя это, въ Россіи стали проявляться чувства дружелюбія и благодарности по отношенію къ японскому народу и въ русскомъ обществѣ выражается надежда, что русско-японское сотрудничество продолжится и послѣ окончанія міровой войны.

Послѣ того, какъ русско-японское сотрудничество сдѣлалось конкретнымъ фактомъ, въ обѣихъ странахъ возникла мысль о своевременности заключенія русско-японскаго союза. Нѣко-

торыя лица стараются запугать общественное мнѣніе Японіи, указывая на неосторожность подобнаго шага въ виду того, что въ Россіи существуютъ-де лица, мечтающія о реваншѣ. Но, если мысль о реваншѣ и проявлялась въ Россіи въ сравнительно еще недавнее время, то теперь отъ подобныхъ мыслей не осталось и слѣда. Благодаря проявленной Японіей въ эту войну благожелательности къ Россіи, въ русскомъ обществѣ совершенно исчезли какія-бы то ни было враждебныя чувства къ Японіи, и ихъ мѣсто заступили чувства взаимности и благодарности, и японцы не имѣютъ никакихъ основаній сомнѣваться въ этихъ чувствахъ.

Затѣмъ, если бы были какіе-нибудь экономическіе поводы для столкновеній между Россіей и Японіей, тогда, конечно, не могло бы быть рѣчи о заключеніи русско-японскаго союза. Но предполагать возможность столкновенія русскихъ и японскихъ экономическихъ интересовъ могутъ только лишь лица, совершенно незнакомыя съ истиннымъ характеромъ Россіи и Японіи. Въ то время, какъ Россія—страна преимущественно земледѣльческая, Японія страна промышленная. Японія нуждается въ производимомъ Россіей сырьѣ и въ то же время можетъ сбывать послѣдней свои фабрикаты. Такимъ образомъ, экономическія отношенія обѣихъ странъ клонятся къ обоюдной ихъ пользѣ. И съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ нужно считать, что отношенія Россіи и Японіи могутъ быть очень дружественными и благопріятствовать при нормальныхъ условіяхъ заключенія союза между ними.

Японскій генералъ считаетъ, что въ самомъ характерѣ обѣихъ странъ существуетъ немало условій, благопріятствующихъ заключенію союза. Сюда онъ относитъ сходство формы правленія въ обѣихъ странахъ и сродство обоихъ народовъ по характеру. Японія не можетъ питать особыхъ симпатій къ строю абсолютическому или республиканскому. Съ другой же стороны характеръ русскаго народа отличается мягкостью, честностью и доблестью, въ чемъ проявляется его удивительное сходство съ японскимъ народомъ. Поэтому, говоритъ генералъ, если когда-нибудь между Россіей и Японіей будетъ

заключенъ союзъ, то результаты его превзойдутъ самыя смѣлыя ожиданія.

Цѣлью русско-японскаго союза должно быть сохраненіе независимости и недѣлимости Китая и поддержаніе мира на Дальнемъ Востокѣ. Для достиженія этихъ цѣлей прежде всего необходимо разграничить сферы вліянія обѣихъ странъ, причемъ Внутренняя Монголія и Манчжурія до границы рѣки Сунгари должны отойти въ сферу японскаго вліянія.

Въ случаѣ заключенія русско-японскаго союза, Россія сможетъ сократить свои военныя силы на Дальнемъ Востокѣ и примѣнить всѣ свои силы въ Европѣ. Для Японіи также не будетъ уже нужды увеличивать свои сухопутныя силы, и всѣ свои силы она сможетъ впредь направить къ осуществленію своихъ тихоокеанскихъ задачъ. Въ заключеніе японскій генералъ высказываетъ пожеланіе, чтобы «безсмысленные» стоящіе на очереди вопросы, въ родѣ вопроса о сформированіи двухъ дивизій для Кореи, были оставлены и чтобы въ первую очередь былъ выдвинутъ вопросъ о русско-японскихъ отношеніяхъ, столь важный для дѣла мира на Дальнемъ Востокѣ.

Два года тому назадъ (*) мы высказали увѣренность, что дружественныя отношенія съ Японіей являются необходимымъ условіемъ для дѣла мирнаго закрѣпленія нашей дальне-восточной окраины. Сегодня мы съ чувствомъ полнаго удовлетворенія смотримъ на блестящіе плоды русско-японскаго сближенія, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что русско-японскія отношенія съ каждымъ днемъ будутъ становиться все болѣе и болѣе дружественными. Приведенные нами выше отзывы японскихъ политическихъ дѣятелей о русско-японскихъ отношеніяхъ были высказаны въ началѣ 1915 года. Съ тѣхъ поръ идея русско-японскаго сближенія еще болѣе окрѣпла какъ въ Россіи, такъ и въ Японіи, и мы можемъ только привѣтствовать это новое и благое направленіе нашей внѣшней политики.

10-го апрѣля 1915 г.

(*) См. «Морск. Сборн.» Январь 1915 года. Японскія письма. I. Наслѣдіе Мэйдзи Тэнно.

